

А Н Н А Ш А Т Ц

СЛЫШАТЬ

только

тебя

Он обещал
превратить ее
жизнь **в ад.**

Но она стала его
самым главным
риском.

Nocturne
Op. 9 No. 2

Violin

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анна Шатц

Слышать только тебя

<https://litres.ru/74301022>

SelfPub; 2026

Аннотация

Правило номер 1 в Сент-Джуд: не вставай на пути у Дэмиана Кроу.

Правило Айрис Рид: никогда не подчиняться.

Приехав в дождливый Портленд, Айрис надеялась спрятать за звуками скрипки слуховой аппарат и тёмные секреты прошлых лет. Но один конфликт с местным «Вороном» - опасным и татуированным любимчиком университета - рушит все её планы.

Каждая их встреча - это взрывоопасная дуэль, где грань между чистой ненавистью и удушающим притяжением стирается с каждым днем.

Вот только в этой игре нет победителей. У каждого из них есть глубокие шрамы, а в прошлом скрыта общая тайна, способная уничтожить их обоих. Вопрос лишь в том, кто сгорит первым.

Содержание

Обращение к читателям	4
Плей-лист	5
Глава 1. Симфония Орегонского ливня	6
Глава 2. Свита ворона	18
Глава 3. Суд присяжных и чай с печеньем	27
Глава 4. Клавиши и струны	38
Глава 5. Ломанные линии	47
Глава 6. Пленница темноты	57
Глава 7. Резонанс	69
Глава 8. Чужие тени	79
Глава 9. Скорость свободного падения	87
Глава 10. Контрасты и кофе	95
Глава 11. Непрошенные гости	105
Глава 12. Вспышка во тьме	112
Глава 13. Шаг наперерез	122
Глава 14. Один плюс один	133
Глава 15. Пятница у озера	142
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Анна Шатц

Слышать только тебя

Обращение к читателям

Дорогой читатель,

История Айрис Рид родилась из капель портлендского ливня, звенящей тишины пустых музыкальных классов и ломанных линий, которые оставляет после себя прошлое. Мне очень хотелось создать мир, в котором музыка - это не просто набор нот на бумаге, а осязаемая сила, способная лечить душу, кричать от боли и выжигать из памяти то, что хочется забыть навсегда.

Эта книга - о поиске себя, о хрупкости человеческих чувств и о том, что даже когда весь мир вокруг погружается во тьму, внутри нас всё ещё может звучать чистая, ни на что не похожая мелодия. Главное - иметь смелость её услышать.

Спасибо, что решились пройти этот путь вместе со мной и моими героями. Добро пожаловать в Сент-Джуд. И помните: в темноте кинозала вы никогда не бываете по-настоящему одни...

*С искренней любовью и теплом,
Ваша Анна Шатц.*

Плей-лист

Lindsey Stirling - Elements или Shatter Me
Agnes Obel - Familiar
Florence + The Machine - Heavy In Your Arms
The Neighbourhood - R.I.P. 2 My Youth
Arctic Monkeys - Do I Wanna Know?
Chase Atlantic - Swim
ZAYN - Dusk Till Dawn (feat. Sia)
Grandson - Blood // Water
Highly Suspect - My Name Is Human
Cigarettes After Sex - Apocalypse
Seafret - Atlantis
Billie Eilish - Six Feet Under
Woodkid - Run Boy Run
Lana Del Rey - Cruel World
The White Stripes - Seven Nation Army
Kaleo - Way Down We Go
Alt-J - Taro

Глава 1. Симфония Орегонского ливня

*«И сидит, сидит зловещий Ворон чёрный, Ворон
вещий,*

С диких скал своих принёсший бури грозовой задор...»

-

Эдгар Аллан По, «Ворон»

Айрис

Мир звуков для меня всегда делился на «до» и «после».

До тринадцати лет он был предсказуемым, плотным и круглым. После - превратился в лоскутное одеяло, которое я каждый день сшивала заново. Слева - идеальный, кристальный абсолютный слух, способный уловить фальшивую четверть тона в третьей октаве. Справа - глухой, ватный туман, сквозь который пробивались лишь тяжёлые, вибрирующие басы и треск статики, если я забывала вовремя поменять батарейку в слуховом аппарате.

В репетиционном классе Университета Сент-Джуд пахло старым деревом, канифолью и влажной прохладой. Я провела смычком по струнам, извлекая затяжную, немного меланхоличную ноту. Левое ухо довольно зафиксировало чистую,

глубокую си-минор. Правое - лишь едва уловило дрожь дека, плотно прижатой к моей ключице.

Взгляд случайно упал на настенные часы, и я едва не выронила смычок. Без пятнадцати восемь! Куратор курса строго предупредила на утреннем собрании: двери женского крыла общежития запираются ровно в восемь, а первокурсникам нарушать режим в первую же неделю семестра - прямой путь к унижительной и долгой отработке на университетской кухне.

- Чёрт, чёрт, чёрт, - забормотала я, лихорадочно укладывая инструмент в жёсткий бархатный футляр.

Защёлкнув металлические замки, я накинула массивный дождевик оверсайз и натянула глубокий, плотный капюшон, тщательно спрятав под него непослушные, влажные от портлендской сырости рыжие волосы. Капюшон тут же лишил меня последних крох правого слуха, с противным шорохом потерявшись тканью прямо об аппарат, но выбирать не приходилось - если намокнет чувствительная электроника, ремонт обойдется мне в трёхмесячную стипендию.

Выскочив из корпуса искусств, я сразу попала под ледяной душ. Портлендский пригород встретил меня крошечной, глухой темнотой и штормовым ветром. Дождь хлестал наотмашь, крупные капли больно колотили по лицу, а асфальт под ногами блестел, как чёрное зеркало, отражая далекие огни кампуса.

Прижав тяжелый футляр со скрипкой к груди, практиче-

ски полностью спрятав его под полый дождевик, побежала. Я смотрела исключительно под ноги, молясь только о том, чтобы не поскользнуться на размокших осенних листьях и не разбить инструмент. Чтобы успеть, нужно было срезать путь через парковку у инженерного корпуса. Там вечно никого не было в такое время, и это казалось идеальным решением.

Ливень шумел в левом ухе, создавая плотный, усыпляющий бдительность белый шум. Ткань капюшона окончательно изолировала меня от внешнего мира.

Я была уже на середине парковки, когда темноту впереди внезапно разорвал яростный, ослепляющий луч галогеновой фары. Силуэт вылетел из-за глухого поворота здания настолько мгновенно, что мир вокруг просто перестал существовать. Фара ударила прямо по глазам, превращая летящие капли дождя в мириады сверкающих искр.

В ту же секунду до моего левого уха донесся утробный, оглушительный, почти звериный рев мотоциклетного мотора.

Визг тормозов разрезал барабанные перепонки.

Всё произошло в долю секунды, но время для меня словно растянулось, превратившись в замедленную съёмку. Огромный чёрный силуэт мотоцикла швырнуло боком на скользком, залитом водой асфальте. Я увидела, как его заднее колесо несёт юзом прямо на меня, выбивая из-под шин высокий, пенящийся шлейф грязной воды. От страха у меня перехватило дыхание. Тело сковал ледяной ступор - я не могла

сделать ни шагу в сторону. Всё, что я успела - это инстинктивно развернуться спиной к надвигающейся машине, навалиться всем телом на футляр со скрипкой, защищая её собой, и зажмуриться.

Раздался оглушительный скрежет железа. Тяжёлая машина замерла буквально в полуметре от моих кроссовок, обдав мои джинсы до самых колен ледяным каскадом брызг. В воздухе мгновенно полыхнуло едким запахом палёной резины и бензина.

Наступила секунда звенящей, оглушительной тишины, нарушаемой только холостым, угрожающим рокотом мощного двигателя.

Я медленно открыла глаза и обернулась, ловя ртом воздух. Сердце колотилось где-то в районе горла, отдаваясь болезненными толчками в висках. Байкер резко заглушил мотор, с силой, со звучным щелчком откинул подножку и плавно, но стремительно соскочил с сиденья.

Парень был огромным. Но что пугало больше всего - в его движениях не было ни капли суеты. Только ленивая, опасная грация хищника, который взбешён, но полностью контролирует свою силу.

Он сдёрнул с головы чёрный шлем с рисунком ворона. Под светом тусклого, раскачивающегося от ветра фонаря мелькнули мокрые, облепившие лоб тёмные волосы, резкие, словно высеченные из камня черты лица и серебряное кольцо в левом ухе. На его шее, прямо над воротником куртки,

хищно чернели замысловатые хвосты татуировок, уходящие куда-то под одежду.

Байкер сделал три размашистых шага ко мне, мгновенно сокращая дистанцию и вторгаясь в моё личное пространство. Его взгляд, тёмный, почти антрацитовый и абсолютно непроницаемый, заставил меня инстинктивно отступить на полшага назад, спиной к стене дождя.

- Я, конечно, слышал, что на факультете искусств учатся возвышенные натуры, - раздался его голос. Он не переходил на ультразвук, не орал как базарный торговец. Он говорил негромко, но этот низкий, бархатный баритон обладал такой леденящей, породистой тяжестью, что у меня перехватило дыхание. Это было грубо по смыслу, но пугающе красиво и весомо. - Но не думал, что вы настолько стремитесь слиться с вечностью.

Он сделал ещё один шаг, нависая надо мной, и в его голосе проступили опасные, бритвенно-острые нотки:

- Прыгать под колёса на мокром асфальте - это у вас новый вид перформанса? Или вы просто слепая? А может, вы окончательно глухая, раз не в состоянии услышать рёв пятисотфунтового мотора прямо перед своим носом?! У вас в башке вообще есть хоть какие-то зачатки инстинкта самосохранения, или там только опилки вместо мозгов?!

Каждое его слово, сочное и хлёсткое, должно было размазать меня. Но из-за того, что он стоял с моей «плохой», правой стороны, а вокруг завывал ветер, часть его тирады доле-

тела до меня смазанным гулом. Чтобы чётко расслышать этого наглеца и защититься, я инстинктивно качнула головой, резким движением руки сбрасывая мокрый капюшон назад, и развернулась к нему левым, здоровым ухом.

Тяжёлые, намокшие рыжие пряди ярким пламенем поползли по моим плечам. И в этот самый момент тусклый свет фонаря чётко, бескомпромиссно выхватил небольшое аккуратное устройство, плотно сидящее за моей правой ушной раковиной.

Байкер резко замолчал. Изящное, полное ледяного презрения оскорбление, которое, кажется, уже готово было сорваться с его губ следующим выдохом, застряло в горле.

Он застыл, словно ему в грудь вонзили невидимый штык. Лицо парня, до этого высокомерное и бледное от адреналина, стремительно потеряло последние краски, став землисто-серым. Взгляд тёмных глаз дико, почти панически метнулся от моих огненных волос к жёсткому футляру со скрипкой, который я всё ещё судорожно прижимала к себе, а затем намертво, парализованно прирос к слуховому аппарату. Пальцы, сжимавшие шлем, напряглись так, что кожа на костяшках побелела, а кожаная куртка на плечах натянулась. В его глазах промелькнуло что-то настолько пугающее и неуместное в этой ситуации - дикий, первобытный шок, паника и...

Будто он смотрел на призрака. На покойника, который только что восстал из могилы прямо перед ним и заговорил.

- Эй... - тихо позвала я, нахмурившись от этого странного, удушающего молчания.

Мой голос, показавшийся слишком тонким на фоне бури, наконец вернул его к реальности. Он резко, судорожно отшатнулся от меня, словно я была раскалённым железом или смертельным ядом, и его взгляд мгновенно закрылся, превратившись в две непроницаемые чёрные льдины.

Но во мне уже на полную мощность полыхнула ответная ярость. Слепая? Глухая? Как удобно у него получилось угадать. Гордость обожгла внутренности сильнее, чем страх перед его внушительными габаритами. Увидел аппарат и испугался? Решил, что перед ним жалкая дефективная дурочка, которую можно безнаказанно смешать с грязью? Ну уж нет.

- Извини, - сухо, ледяным тоном и максимально чётко отчеканила я, глядя ему прямо в потемневшие глаза. - Действительно, было слишком темно, и я не услышала твой байк. Но раз уж ты умеешь так красиво и пафосно складывать слова, то поучись такой же красивой езде. Тормоза свои проверь. Или зрение. А лучше - всё вместе.

Я поудобнее, демонстративно перехватила скрипку, развернулась на каблуках и, высоко подняв голову, зашагала прочь, оставляя его за спиной.

Я шла прямо к светящимся окнам общежития. Джинсы противно липли к бёдрам, в кроссовках хлюпала вода, спину жгло от его взгляда, но я заставила себя не оборачиваться.

И только на полпути, когда безумный прилив адреналина

начал немного спадать, до меня наконец-то дошло в полной мере.

Чёрный «Харлей». Чёрная кожанка. Татуировки, поднимающиеся по шее. Серебряная серьга в левом ухе. И этот душающий, парализующий, породистый голос.

О господи. У меня подкосились коленки.

Внутри всё мгновенно покрылось инеем, а ноги на секунду стали абсолютно ватными. Это был Дэмиан Кроу. Тот самый Кроу с третьего курса, о котором Хлоя с благоговейным ужасом и придыханием трещала в нашей комнате последние два дня. Опасный, неприкасаемый лидер местной байкерской тусовки, которого на кампусе Сент-Джуд боялись абсолютно все - от первокурсников до декана. Парень, который, по слухам, одним своим холодным словом мог уничтожить чью угодно репутацию, стереть человека в порошок и превратить его жизнь в ад.

И я только что не просто встала у него на пути. Я нахамила ему в лицо. Размазала его пафосную речь, прошла по его эго и велела проверить зрение.

«Меня убьют», - обречённо подумала я, сильнее прижимая к себе скрипку и ускоряя шаг почти до бега. - «Он меня просто сожрёт и не заметит. После такого публичного - ладно, не публичного, но всё же - оскорбления он меня точно уничтожит. Из-под земли достанет».

Я буквально влетела в тёплый, ярко освещённый холл общеджития, тяжело и со свистом дыша. Джинсы вымокли,

сердце выбивало сумасшедший, рваный ритм. Я чудом выжила под колёсами его байка, но почему-то внутри росло липкое ощущение, что настоящая, смертоносная катастрофа для меня только что началась.

Двери блока № 312 захлопнулись за моей спиной с глухим стуком, отсекая и шум ского ливня, и леденящий ужас, который преследовал меня от самой парковки.

В комнате было тепло, пахло лавандовым освежителем и какао. На полу у входа мгновенно образовалась тёмная лужа - вода ручьями стекала с моего огромного дождевика. Нарушая все правила приличия, я сбросила хлюпающие кроссовки прямо посреди коридора и первым делом бросилась к столу. Дрожащими пальцами растегнула замки футляра.

Скрипка была сухой. Слава богу. Капли дождя не добрались до полированного дерева. Я бережно закрыла крышку и только тогда позволила себе выдохнуть.

- Святые угодники, Рид, ты где топила титаники? - Хлоя высунулась из-за перегородки, держа в руке чашку.

Её безупречный блонд был собран в небрежный пучок, а на пушистом розовом свитере красовался след от шоколадной пасты. Хлоя была воплощением хаоса и жизни: будущий маркетолог, способная заболтать даже каменную статую.

Я ничего не ответила, потому что силы резко покинули меня. На ходу стягивая тяжёлый, насквозь промокший дождевик, я швырнула его прямо на линолеум. Следом туда же, в общую кучу, полетели облепившие ноги влажные джинсы

и свитер. Остановившись перед зеркалом в ванной, я схватила полотенце и наклонилась над раковиной. Стоило запустить пальцы в волосы, как с рыжих волнистых прядей хлынули целые потоки холодной воды. Я принялась яростно выжимать их, глядя на своё бледное, усыпанное веснушками отражение. В зеленых глазах всё ещё стоял слепящий луч галогеновой фары.

- Хлоя, - крикнула я из ванной, перекрывая шум воды. - Тот парень, про которого ты жужжала последние два дня... Ну, Кроу. Который на чёрном байке и в татуировках. Напомни, как выглядит его шлем?

Из комнаты донёсся шорох перелистываемых страниц. Это Майя - наша третья соседка, будущий психолог - устроилась на кровати в обнимку с толстенным учебником.

- Матовый чёрный, с глухим зеркальным визором и рисунком ворона, - вместо Хлои спокойно отозвалась Майя. - А что?

Я вышла из ванной, заматывая мокрые волосы полотенцем на манер тюрбана, и натянула сухое домашнее худи оверсайз.

- То, что я только что нахамила ему на парковке у инженерного, - глухо произнесла я, опускаясь на свободный стул. - Он вылетел из-за угла на бешеной скорости, чуть не размазал меня по асфальту, облил грязью, а потом ещё и обвинил в том, что я слепая и глухая. Общался со мной со своим этим фирменным пафосом. Ну я и выдала ему... Чтобы проверил

тормоза и зрение.

Хлоя, которая в этот момент делала глоток какао, поперхнулась и драматично закашлялась. Она резко села, растрёпанная и паникующая, глядя на меня со смесью восхищения и дикого ужаса.

- Ты сделала что? - Хлоя драматично упала спиной на горку декоративных подушек и закрыла лицо руками. - Айрис, скажи, что ты пошутила! Я ещё не успела пожить студенческой жизнью, я не хочу идти на твои похороны в первую же неделю семестра! Ты понимаешь, кому ты это сказала? Это же Дэмиан Кроу!

- Я знаю, поняла это, когда уже ушла, - я упрямо скрестила руки на груди. - Но хамить первый начал он. Почему я должна была молчать?

Майя медленно сняла очки, потёрла переносицу и посмотрела на меня так, словно я только что добровольно подписала контракт на отправку на убой.

- Потому что Кроу никого не прощает, Айрис, - тихо произнесла она, вернув очки на место. - Он держится особняком, у него своя закрытая банда байкеров, и переходить ему дорогу - очень плохая идея. Ты для него первокурсница-невидимка, а умудрилась при первой же встрече публично - ладно, один на один, но всё же - задеть его эго. Про него ходят слухи, от которых кровь стынет. Он общается так красиво и холодно, будто ты уже покойник, просто тебе забыли об этом сообщить.

Я вспомнила его бледное лицо, когда он увидел мой слуховой аппарат. То, как застряли слова у него в горле, когда мои рыжие волосы рассыпались по плечам. Мне по-прежнему казалось, что он просто опешил от моей инвалидности, как это часто бывало со здоровыми, заносчивыми парнями, которые привыкли видеть вокруг себя только идеальных кукол. Он точно видел меня впервые в жизни, в этом я была уверена. Тогда почему его взгляд показался мне таким диким? Словно он узнал во мне кого-то конкретного.

- Плевать, - буркнула я, забираясь под одеяло и подтягивая колени к груди. - Я приехала сюда учиться музыке, а не кланяться в ноги парням на мотоциклах. Портленд большой, кампус огромный. Если я буду умнее, мы больше никогда не пересечёмся.

Майя посмотрела на меня со смесью жалости и глубокого психологического интереса:

- Очень сомневаюсь, Айрис. Кроу не из тех, кто оставляет последнее слово за кем-то другим.

Глава 2. Свита ворона

Айрис

На следующее утро Портленд смиростивился и выключил ливень, оставив после себя лишь густой, прижимающийся к земле туман и влажную прохладу. Кампус Сент-Джуд ожил: сотни студентов с кофейными стаканчиками спешили на лекции по мокрым аллеям.

Хлоя, завербовавшая меня в секту любителей арахисового латте, настойчиво тащила в «Red Cup» - самую популярную кофейню прямо у центральных ворот.

- Нам нужно реанимировать твои нервные клетки после вчерашнего, - щебетала она, распахивая стеклянную дверь, над которой весело звякнул колокольчик.

Внутри пахло жжёным сахаром, корицей и свежей выпечкой. Было шумно. Я сделала шаг в глубь зала и... замерла.

Они сидели в самом дальнем углу, на кожаных диванах под неоновой вывеской. Компания, которую невозможно было не заметить. Двое парней в массивных ботинках и байкерских жилетках поверх худи - один широкоплечий и молчаливый, как скала, второй - худее, весельчак, который что-то увлечённо рассказывал. И три девчонки модельной внешне-

сти, которые буквально облепили центральную фигуру этого стола.

Эта свита держалась так, словно весь остальной университет был лишь блеклой декорацией для их личного шоу. Две блондинки с идеальными укладками лениво потягивали матча-латте, а высокая брюнетка с точёными скулами и хищным разрезом глаз увлечённо что-то шептала на ухо парню, сидевшему в центре, лениво крутя на пальце прядь своих длинных тёмных волос.

Дэмиан Кроу.

Сегодня на нём не было куртки - только чёрная футболка, открывающая рельефные руки, полностью забитые тёмными татуировками. Дэмиан не смотрел на окруживших его девчонок. Он лениво листал какой-то чертёж на планшете, держа в зубах незажжённую сигарету. В его позе было столько вальяжной, опасной грации, что у меня против воли перехватило дыхание.

Я попыталась развернуться, чтобы уйти, но Хлоя уже успела громко крикнуть баристе наш заказ, привлекая к нам внимание.

Дэмиан медленно поднял голову. Его тёмные глаза безосшибочно выхватили меня в толпе. На секунду в глубине его зрачков снова полыхнул тот самый пугающий, узнающий огонь из прошлой ночи. Но он мгновенно, за долю секунды, затушил его, вернув на лицо маску ледяного, высокомерного безразличия. Губы парня тронула едва заметная, циничная

усмешка.

Он вынул сигарету изо рта и, не отводя от меня пристального взгляда, негромко, но так, что его голос пронзил гул кофейни, произнёс:

- Нейт, напомни мне купить новые зеркала на байк. А то в Сент-Джуд, кажется, завезли партию редких белок. Рыжие, пушистые, абсолютно глухие. Бегают по приборам, под колёса прыгают, а потом ещё и пищат что-то про тормоза.

Брюнетка на его диване мгновенно подхватила подачу. Она изящно прикрыла рот ладонью с безупречным маникюром и неприязненно, громко рассмеялась: - Ой, Дэмиан, брось. Какая белка? Обычная облезлая первокурсница. Слышала, у них на музыкальном это сейчас модно - строить из себя особенных, чтобы хоть как-то привлечь внимание нормальных парней. Даже если для этого нужно притвориться калекой.

Две другие девчонки дружно и противно захихикали, глядя на меня со смесью превосходства и брезгливости. Широкоплечий парень нахмурился и отвёл глаза, а Нейт как-то странно, сочувственно посмотрел на меня.

Вся кофейня плавно повернула головы в мою сторону. Хлоя рядом со мной затаила дыхание и, кажется, начала мысленно подбирать мне надгробие.

Мои щёки вспыхнули. Они решили устроить публичную казнь? Сделать из меня посмешище перед всем университетом просто потому, что вчера я не упала перед этим парнем

на колени? Страх, который преследовал меня с утра, мгновенно испарился, уступая место чистой, обжигающей ярости.

Я сделала три шага вперёд, останавливаясь прямо напротив их столика. Наклонила голову чуть вбок, полностью проигнорировала его смеющуюся свиту и посмотрела Дэмиану в глаза.

- А тебе, Кроу, - мой голос прозвучал удивительно твёрдо и чисто, перекрывая шёпот в зале, - не мешало бы купить тормоза. И не только для своего байка, но и для своего языка. А то гонора много, а культуре вождения тебя, видимо, в твоём гнезде не научили. Раз уж ты такой зоркий, мог бы заметить, что парковка - это не гоночный трек для ущемлённого эго. А твоим... подругам я бы посоветовала поберечь голоса. Пригодится, когда будете кричать «вредные советы» кому-нибудь другому.

Две секунды в «Red Cup» стояла такая тишина, что было слышно, как капает конденсат из кондиционера. Брюнетка рядом с Дэмианом открыла рот от возмущения, готовая выдать новую порцию желчи, но Кроу резко поднял руку, останавливая её на полуслове. Он даже не взглянул на неё - его глаза по-прежнему были прикованы ко мне.

Дэмиан медленно отложил планшет на столик. Откинулся на спинку дивана, и его взгляд потемнел, превращаясь в грозную тучу. Я ждала, что он ответит очередным красивым, ядовитым оскорблением, но он молчал. Он просто смотрел

на меня - пристально, тяжело, словно пытался выжечь во мне дыру. И под этим слоем ледяной злости я на мгновение снова уловила ту странную, необъяснимую тоску, которой не могло быть у парня, видящего меня второй раз в жизни. В этом была какая-то жуткая, давящая тайна.

Наконец он встал. Медленно, во весь свой огромный рост, нависая надо мной как тёмная, непреклонная тень.

- Пойдём отсюда, белка, - тихо, но так, что у меня по спине пробежали мурашки, процедил он. - Нам нужно поговорить. Наедине.

Я не успела даже рот открыть, чтобы послать его к чёрту вместе с его приказами, как Дэмиан сделал стремительный шаг вперёд. Его забитая татуировками рука перехватила моё запястье.

Пальцы сомкнулись на моей коже как стальной капкан. Грубо, резко, ощутимо больно. Он дернул меня на себя, заставляя сделать шаг вперёд и чуть не сбив с ног.

- Эй! Отпусти! - выкрикнула я, пытаюсь вырвать руку, но с таким же успехом можно было пытаться разорвать чугунные цепи.

- Дэмиан, ты куда? - удивлённо и капризно приподнялась на диване брюнетка, но Кроу даже не обернулся на её голос.

Он просто тащил меня за собой через весь зал, как упрямого упирающегося подростка. Из-за его широкого шага мне приходилось буквально бежать за ним, спотыкаясь о ножки стульев. Моё запястье горело от его хватки. Вся кофейня

проводжала нас ошеломлёнными взглядами; у стойки Хлюя застыла с зажатой в руке пластиковой картой, беззвучно шевеля губами от ужаса: «Беги... Айрис... Беги...»

Туман после душной кофейни показался ледяным компрессом. Он окутывал кампус, цеплялся за верхушки деревьев и превращал припаркованные автомобили в размытые серые тени. Дэмиан завернул за угол здания, в глухой, засаженный мокрым плющом тупик у пожарного выхода, где обычно никто не ходил.

Он остановился так резко, что я едва не врезалась в его спину. Развернулся. Лицо - каменная маска, глаза - непроницаемая антрацитовая бездна.

- Ты совсем страх потеряла, как там тебя? - его голос прозвучал тихо, но в этой тишине было больше угрозы, чем в штормовом ливне. Это было пугающе красиво, хлётко и изысканно грубо. - Вчерашнего урока на парковке тебе не хватило? Ты решила, что если у тебя есть скрипка и... - он запнулся, его взгляд на долю секунды мазнул по моему правому уху, но тут же вернулся к глазам, - и определённые смягчающие обстоятельства, то тебе дозволено открывать рот в моем присутствии?

Я не отвела взгляда.

- Смягчающие обстоятельства? - я спокойно, почти равнодушно приподняла брови, хотя сердце внутри выбивало сумасшедший чечетку. - Ты про мой слуховой аппарат, Кроу? О, не стесняйся, говори прямо. Вчера ты назвал меня глу-

хой, сегодня твоя ручная банда развлекалась надо мной при всей кофейне. Так что изменилось здесь, без твоей группы поддержки? Решил лично объяснить первокурснице правила подчинения?

Лицо Дэмиана на мгновение дёрнулось, словно я ударила его хлыстом по живой ране. Ноздри гневно раздулись. Он шагнул ко мне так стремительно, что я упёрлась лопатками в сырую, покрытую плющом кирпичную стену корпуса. Он навис надо мной, полностью блокируя любые пути к отступлению. От него пахло дорогим парфюмом, мокрой кожей, сигаретным дымом и... чистым адреналином.

- Послушай меня сюда, Рид, - процедил он, наклоняясь так близко, что я видела, как бешено бьётся пульс на его шее прямо посреди чернильных татуировок. - Мне глубоко плевать на твою скрипку. И на твои дефекты тоже. Но если ты ещё раз позволишь себе подобное представление при людях, я сделаю так, что твоё пребывание в Сент-Джуд превратится в ад. Ты вылетишь отсюда быстрее, чем научишься настраивать свой инструмент. Я просто стираю с дороги то, что мне мешает.

Он ждал, что я сломаюсь, заплачу или начну оправдываться. Но я лишь молча смотрела на него. Мой взгляд скользил по его идеальному, злому лицу, спускался к шее, упрямо считывая каждую деталь.

- Врёшь, Кроу, - тихо, но абсолютно твёрдо ответила я. - Тебе не плевать. Вчера на парковке ты замолчал не потому,

что хотел меня оскорбить. Ты испугался. Ты увидел этот аппарат и побледнел так, будто призрака встретил. Ты и сейчас злишься только потому, что я не вписываюсь в твой идеальный сценарий, где все вокруг тебя боятся. Я не знаю, какую драму ты прячешь за своими татуировками и свитой из глупых девчонок, но меня ты не запугаешь. Хочешь устроить мне ад? Попробуй. Посмотрим, у кого из нас тормоза откажут первыми.

Дэмиан замер. Его тяжёлое дыхание обжигало мои губы. В глубине его чёрных зрачков, под слоем ледяной, яростной маски, на секунду проступила такая дикая, нечеловеческая тоска, паника и оглушительная вина, что у меня на мгновение перехватило дыхание. Это была не злость парня, которому нахамили. Это была глубокая, застарелая боль человека, у которого только что вскрыли старый, гноящийся шов.

Его пальцы, упёршиеся в кирпичную стену прямо рядом с моей головой, судорожно сжались, скрежеща ногтями по камню. Ткань на его футболке натянулась от этого движения, и под глубоким вырезом ворота я заметила то, чего не было видно в полумраке кофейни.

Там, где заканчивались безупречные чёрные узоры татуировок, на ключице и уходя ниже, к самой груди, кожа была изуродована. Белёсая, неровная, стянутая старыми шрамами. Татуировки словно пытались их спрятать от всего мира, но эти шрамы всё равно пробивались наружу, как немое напоминание о какой-то жуткой боли.

Я перевела взгляд со шрамов на его лицо. В голове на секунду возникла странная, расплывчатая ассоциация, но тут же растаяла.

Дэмиан перехватил мой взгляд. Он резко, судорожно отпрянул от меня, словно его ударило током, и порывисто сунул руки в карманы джинсов, пряча и свои дрожащие пальцы, и ворот футболки.

- Держись от меня подальше, - его голос упал до глухого, свистящего шёпота. В нём больше не было породистого пафоса. Только холодный, пугающий приговор. - Переведись на другой поток. Ходи в другие кофейни. Не попадайся мне на глаза. Это лучший совет, который тебе дадут в этом городе.

Он развернулся и быстрыми, размашистыми шагами пошел прочь, мгновенно растворяясь в густом орегонском тумане.

Я осталась стоять у кирпичной стены.

Что сейчас произошло? Почему этот парень, опасный незнакомец, который видит меня второй раз в жизни, реагирует на меня так, словно я - его личный палач?

Глава 3. Суд присяжных и чай с печеньем

Айрис

Сначала выслушав от Хлои кучу вопросов и безумных предположений о том, что произошло, а потом отсидев три пары подряд, я шла в сторону общежития не просто разбитая, а буквально готовая упасть в мокрые листья лицом.

Моё левое ухо гудело от бесконечного потока академических лекций и шуршания чужих конспектов, а правое - противно, прерывисто попискивало, намекая, что батарейка в аппарате всё-таки решила сдохнуть в самый неподходящий момент. Туман над Сент-Джудом сгустился настолько, что очертания кирпичных готических корпусов казались размытыми серыми глыбами. Холодная изморось липла к лицу, покалывала кожу и смешивалась с остатками утренней, уже перегоревшей злости.

Запястье под рукавом плотного худи до сих пор фантомно ныло. Стоило на секунду прикрыть глаза, как я снова чувствовала эти стальные, обжигающие пальцы Кроу. То, как грубо он потащил меня за собой через весь зал, наплевав на ошеломлённую толпу. И этот его взгляд в тупике у пожарно-

го выхода... Дикий, тёмный, полный какой-то извращённой, не поддающейся логике боли.

«Держись от меня подальше, Рид».

- Да с радостью, придурок, - пробормотала я себе под нос, пиная носком кроссовка раскисший, потемневший кленовый лист. - Будто мне больше всех надо караулить твоё величество по углам.

Кампус плавно укутывался в сырые вечерние сумерки. Большинство студентов уже расплзлись по тёплым комнатам или грелись в недрах библиотек. Я почти дошла до раскидистого старого дуба, отделявшего сквер от жилой зоны, когда из серой пелены тумана впереди соткался высокий силуэт.

Он сидел на деревянной скамейке, лениво вытянув ноги в тяжёлых армейских ботинках и уткнувшись в светящийся экран телефона. На плечах - та самая байкерская жилетка из толстой кожи поверх серого худи.

Нейт. Один из тех двоих парней, что сидели утром за столом Кроу. Весельчак и балагур, который в кофейне единственный не стал смеяться над ядовитыми выпадами своего лидера, а проводил меня странным, почти сочувственным взглядом.

Внутри всё инстинктивно сжалось в тугой узел. Я наотрез отказалась замедлять шаг. Если этот парень пришёл сюда, чтобы продолжить утреннее цирковое шоу Дэмиана или передать очередную порцию угроз, то его ждёт глубокое разо-

чарование. На сегодня мой лимит терпения был исчерпан до самого дна.

Я упрямо уставилась вперёд, поудобнее перехватила натевшую плечо лямку рюкзака и пошла прямо мимо скамейки, молясь только о том, чтобы моё правое ухо окончательно не отключилось от портлендской сырости до того, как я переступлю порог блока.

Стоило мне поравняться со скамейкой, как Нейт поднял голову и ловким движением убрал телефон в карман.

- Эй, Рид! погоди, - раздался его голос с моей «хорошей», левой стороны.

Я сделала вид, что туман оглушил меня вместе с ливнями. Ноль реакции. Я даже взгляда в его сторону не бросила, продолжая чеканить шаг по влажной асфальтовой дорожке. Уж в чём-в чём, а в искусстве игнорирования нежелательных звуков у меня был огромный, вынужденный многолетний опыт.

- Эй, белка! Да постой ты, я с миром, - донеслось уже ближе, и в его тоне послышалась лёгкая одышка.

«Белка». Ну конечно. Кличка, брошенная Кроу, уже пошла в народ.

Я прибавила ходу, почти срываясь на быстрый бег, но парень оказался чертовски шустрым. Позади послышался резкий шаг, шуршание опавшей листвы, и уже через секунду Нейт обогнал меня, ловко заходя наперёд и перекрывая дорогу прямо посреди аллеи. Мне пришлось резко затормо-

зять, чтобы просто не влететь носом в его широкую грудь.

- Да ладно тебе, я же вижу, что ты меня слышишь, - он поднял открытые ладони вверх в примирительном, абсолютно безобидном жесте и мягко улыбнулся.

На его лице не было и капли того утреннего высокомерия, которое сквозило в каждом члене банды Ворона. Наоборот, он выглядел парнем из соседнего двора, но я всё равно смотрела на него волком, не разжимая губ.

- Я просто поговорить хочу. Без свидетелей и без этого... кофейного пафоса, - добавил он, кивнув в сторону центральных ворот кампуса.

Я сделала глубокий вдох, набрав в лёгкие влажный, пахнувший прелой хвоей воздух, крепко скрестила руки на груди и посмотрела на него снизу вверх.

- Если ты пришел передать, что твой босс выселил меня из университета или запретил мне дышать на территории кампуса, то валяй, - сухо бросила я. - У меня был чертовски длинный день, Нейт. Давай покороче.

Нейт не обиделся. Он лишь тихо, хрипло усмехнулся, глубже засунув руки в карманы своей жилетки, и качнул головой. Его улыбка была на удивление тёплой, открытой и какой-то по-хорошему простой. Разительный, пугающий контраст с ледяным, давящим присутствием Кроу.

- Во-первых, Кроу мне не босс, а друг. Мы с ним слишком много дерьма вместе сожрали, чтобы я перед ним вытягивался в струнку, - мягко произнес он, переводя дыхание. - А

во-вторых... Слушай, Рид, я просто пришёл сказать, чтобы ты не принимала это утреннее шоу близко к сердцу. И девчонок этих не слушай. Особенно Ванессу. У них в головах опилок побольше, чем Дэмиан тебе сегодня приписал. Они просто декорация.

Я недоверчиво прищурилась, наклонив голову набок. Моё здоровое левое ухо упрямо ловило его интонации, прощупывая каждое слово, пытаюсь распознать скрытый подвох или завуалированную издёвку.

- Ты пришёл извиниться за него? Серьёзно? Насколько я успела заметить за эти два дня, в вашей крутой байкерской компании принято только хамить, устраивать публичные казни и распускать руки, если первокурсница не падает ниц.

- Я пришёл уберечь твою нервную систему, - мило улыбнулся Нейт, сделав полушаг в сторону, чтобы не загромождать мне дорогу окончательно, но и не давая уйти раньше времени. - Понимаешь, Дэмиан... он бывает просто невыносимым козлом. На самом деле он не законченный ублюдок, каким хочет казаться всем. Просто он дикий собственник с полным отсутствием контроля гнева. Ему иногда так срывает крышу, что он начинает бить на поражение всех, кто оказывается слишком близко и отказывается пресмыкаться.

- Мне глубоко плевать, какие у него психологические травмы и проблемы с гневом, - отчеканила я, хотя чувствовала, как градус моей ярости против воли начинает снижать-

ся под натиском его простого, обезоруживающего обаяния. - Он при всём университете выставил меня дефектной. Назвал глухой. А потом силой выволок на улицу, едва не вывернув мне сустав.

Нейт сочувственно вздохнул, поджав губы, и его взгляд на секунду стал серьёзным.

- Меня не было вчера ночью на той парковке, но Джаспер сказал, что Кроу примчался в наш бокс сам не свой. Швырнул шлем в стену так, что визор вдребезги. Он весь день сегодня ходит как грозовая туча перед штормом. Чертежи свои архитектурные запорол, наорал на баристу, Джасперу едва лицо не набил из-за какой-то детали для байка. Ты... знатно уязвила его эго, Рид. Понимаешь? Никто в этом городе не смеет говорить ему подобное в лицо. Ты сломала его идеальную картинку.

Я нахмурилась, переваривая информацию. Значит, великий и ужасный Ворон просто обиделся, как маленький капризный мальчик, из-за того, что девчонка не испугалась его тяжёлого мотоцикла и напыщенных речей? Как мелко. Как примитивно для грозы кампуса.

- Короче, - Нейт снова вернул на лицо свою фирменную улыбку и шутливо подмигнул мне, делая шаг назад. - Не воюй с ним, Рид. Побереги нервы. Они тебе на музыкальном ещё понадобятся. Если он снова начнёт шипеть - просто врубай свой игнор. Ладно? Он перебесится, заскучает и найдёт себе другую жертву для тренировки красноречия.

Он полностью освободил мне тропинку к дверям общежития и дружески приложил два пальца к виску, прощаясь.

- Хорошего вечера, Рид.

- И тебе, - буркнула я, поспешно обходя его.

Позади послышались его удаляющиеся шаги. Нейт зашагал в противоположную сторону, негромко насвистывая какой-то незамысловатый поп-мотивчик. Я проводила его взглядом сквозь серые, сгущающиеся сумерки, чувствуя, как тяжёлый узел в груди немного распустился.

Я повернулась к дверям общежития, но слова Нейта о том, как Дэмиан взбесился после нашей первой встречи, всё равно оставили внутри странный, липкий осадок.

Почему заносчивый третьекурсник так яростно, так неадекватно отреагировал на обычную девчонку из далёкого, Богом забытого городка в штате Мэн? Что в моём виде - в моих растрепанных рыжих волосах или в этом дурацком бежевом пластиковом корпусе за ухом - заставило его вчера буквально побелеть от шока?

Я машинально прижала ладонь к правому уху. В этот самый момент слуховой аппарат издал последний, тонкий, умирающий писк и окончательно отключился. Батарейка сдохла. Правая сторона мгновенно погрузилась в привычную, плотную, абсолютную тишину, оставив левому уху весь остальной мир.

«Плевать», - зло подумала я, дёргая ручку двери. - «Завтра куплю новый блистер батареек. А Кроу... Кроу я просто

сотру из своей реальности».

Тяжёлая пластиковая дверь общежития поддавалась с тихим электронным писком. Я поднялась по тускло освещённой лестнице на третий этаж, мечтая только о сухих носках, чашке горячего чая и возможности залезть под одеяло с головой. Нашарив в кармане ключ, я толкнула дверь блока № 312.

В комнате стояла такая звенящая, густая, напряжённая тишина, что я сразу поняла: меня ждали. Причём ждали с судом присяжных.

Хлоя сидела на своей кровати, неестественно прямо поджав под себя ноги, и нервно грызла прозрачный колпачок от розового маркера. Стоило мне переступить порог, как она подскочила, едва не перевернув стоящую на полу большую тарелку с овсяным печеньем.

Рядом на стуле, скрестив руки на груди, восседала Майя. На её коленях лежал неизменный открытый учебник по клинической психологии, но смотрела она сейчас точно не в текст. Её взгляд - пронизательный, изучающий, лишённый всякой девичьей суеты - был устремлён прямо на меня.

Было очевидно: Хлоя времени зря не теряла. За те три пары, что я провела в оркестровом классе, она успела в красках, лицах и со всеми театральными преувеличениями вывалить Майе всё, что произошло утром в кофейне.

- Ну наконец-то! - Хлоя буквально подлетела ко мне, хватая за плечи своими тонкими пальцами и лихорадочно

осматривая сверху вниз, словно проверяла наличие видимых переломов или синяков. - Айрис, боже мой, мы уже хотели идти искать тебя с охраной кампуса или писать заявление! Ты цела? Он ничего тебе больше не сделал? Твои руки... Кроу тебя не ударил?!

- Хлоя, ради всего святого, выдохни, - я мягко, но настойчиво убрала её руки со своих плеч, сбрасывая тяжёлый рюкзак на линолеум прямо у порога. - Всё нормально. Я цела. Никто меня не бил.

- Нормально?! - Хлоя драматично всплеснула руками, ее безупречный блонд растрепался, а глаза округлились. Она обернулась к Майе, отчаянно ища поддержки у разума нашего блока. - Майя, ты слышала это? Она говорит «нормально»! Кроу выволок её из «Red Cup» за руку на глазах у половины университета! Как какую-то преступницу! Увел в этот жуткий туман, а она возвращается через три часа и говорит «нормально»!

- Хлоя, сядь и помолчи пару минут, - тихо, но удивительно весело перебила её Майя.

Ее спокойный, бархатный голос подействовал на паникующую Хлою как ушат холодной воды. Блондинка послушно сделала шаг назад и рухнула обратно на кровать, продолжая сверлить меня взволнованным взглядом.

Майя медленно сняла очки в тонкой оправе, аккуратно отложила их на учебник и посмотрела на меня - серьёзно, без лишней паники, но с тем самым глубоким аналитиче-

ским интересом, от которого мне всегда становилось немного неуютно.

- Расскажи, что произошло за пределами кофейни, Айрис, - негромко попросила она, слегка наклонив голову. - Хлоя утверждает, что Дэмиан выглядел так, будто готов был тебя уничтожить на месте за твои слова про его эго. Но я хочу услышать твою версию. Как будущий психолог, я просто не верю, что парень уровня Кроу - со всем его авторитетом, закрытостью и влиянием - стал бы лично марать руки о первокурсницу без очень веской, глубоко скрытой причины. О чём вы говорили в том тупике? Что он тебе сказал?

Я прошла вглубь комнаты, чувствуя, как колени всё-таки начинают слегка подкашиваться от пережитого за день стресса. Устало опустилась на край своей кровати, стянула влажные кроссовки и повернулась к окну.

За стеклом блока № 312 снова начинал набирать силу дождь. Крупные капли с глухим стуком разбивались о подоконник, туман съедал остатки света, и в этом сером полумраке комната казалась маленьким, изолированным от всего мира островом.

Я бросила взгляд на стоящий в углу футляр. Больше всего на свете мне сейчас хотелось вытащить скрипку, затянуть смычок и просто затеряться в струнах, вымывая из головы весь этот сумасшедший день. Музыка всегда была моим убежищем. Но, глядя на выжидающие лица девчонок, я с тоской поняла: передохнуть мне сегодня не удастся. Пока я не

выложу им всё как есть, они от меня не отстанут.

Глава 4. Клавиши и струны

Айрис

Следующим вечером, после двух изматывающих пар по сольфеджио, я спустилась вниз, в актальный зал, который должен был быть свободен в это время. Голова раскалывалась от бесконечных гармонических диктантов и требований профессора разложить сложный септаккорд на слух. Моё левое ухо работало на пределе возможностей, а правое, со свежей батареей, лишь удваивало этот ментальный шум. Мне отчаянно требовалось побыть в одиночестве, вытащить скрипку и просто сыграть что-то своё, не по учебнику.

Подойдя к тяжелой дубовой двери, я на секунду замерла, прислушиваясь к звукам. Изнутри красиво играло фортепиано, с болезненностью и глубокой тоской рассказывая какую-то свою, очень личную историю. Это не было академическим упражнением; пальцы пианиста буквально выдыхали музыку в пустой зал, заставляя старые стены резонировать.

Я тихонько открыла дверь, чтобы не помешать исполнителю, и скользнула внутрь, стараясь не скрипеть петлями.

В самом конце огромного зала, залитого блеклым вечерним светом из высоких арочных окон, за лакированным кры-

лом чёрного рояля сидел светловолосый парень. Он играл с закрытыми глазами, не замечая меня. Его светлые, почти платиновые волосы слегка падали на лоб, а пальцы - длинные, тонкие, с бледной кожей - летали по клавишам с пугающей лёгкостью и одновременно с какой-то яростной силой.

Мелодия была мне незнакома, но от нее по коже пробежали мурашки. В ней было столько скрытого надрыва, словно этот парень прямо сейчас пытался беззвучно закричать о чём-то, что сжигало его изнутри.

Я застыла у самого входа, прижав к груди футляр со скрипкой и боясь даже вздохнуть. Мой абсолютный слух жадно ловил каждый пассаж. Но в какой-то момент, на самом пике сложной музыкальной фразы, его правая рука чуть заметно дрогнула. Он взял фа-диез вместо чистой фа. Обычный человек бы не заметил, но для меня это прозвучало как резкий щелчок.

Музыка оборвалась. Парень резко, со стуком опустил ладони на клавиши, заставляя рояль болезненно загудеть. Он тяжело дышал, уткнувшись лбом в лакированную крышку инструмента, и его плечи судорожно вздрагивали под свободным свитером крупной вязки.

- Прости, - негромко сказала я, понимая, что моё присутствие всё равно нарушило его уединение. - Я не хотела мешать. Ты... потрясающе играешь.

Парень вздрогнул и медленно поднял голову. На его лице, красивом и немного бледном, отразилось удивление. У него

были поразительные глаза - ясные, мягкие, серые, но в них сквозила та самая тоска, которую только что транслировал инструмент. Он убрал от лица светлую прядь и посмотрел на меня, а затем его взгляд переместился на футляр в моих руках.

- Скрипачка? - его голос оказался неожиданно мягким, с лёгкой хрипотцой. Он слабо, немного устало улыбнулся. - Не извиняйся. Рояль сегодня просто отказывается меня слушать. Пальцы будто чужие.

- Пальцы отказываются слушать не из-за рояля, - мягко сказала я, проходя вглубь зала. Мои шаги гулко отдавались от высокого потолка. - Ты слишком сильно зажимаешь кисть на верхних октавах. Пытаешься выжать из клавиш эмоцию силой, хотя они и так звучат... отлично.

Парень удивлённо приподнял брови, а затем тихо, искренне рассмеялся. Этот смех мгновенно разогнал ту тоскливую, давящую атмосферу, которая царила в зале секунду назад.

- Ого. Судишь как профессор, - он съехал на край длинной банкетки, уступая мне место рядом с собой, и жестом пригласил сесть. - Я Лукас. Второй курс, фортепианное отделение. И ты абсолютно права, я зажался. Последние две недели играю так, будто сдаю финальный экзамен самому дьяволу.

- Айрис, - представилась я, подходя ближе. Я бережно положила кофр на соседний стул и начала расстегивать замки. - Первокурсница. И у меня за плечами сегодня две пары зубодробительного сольфеджио, так что моё эго тоже требует

реабилитации.

Лукас с интересом наблюдал, как я достаю скрипку, аккуратно канифолью смычок и проверяю натяжение струн. В его взгляде не было той липкой, оценивающей наглости, к которой я уже успела привыкнуть на кампусе за эти дни. Он смотрел на меня так, как смотрят друг на друга художники перед чистым холстом - с уважением и предвкушением.

- Подыграешь мне? - спросил он, и в его ясных глазах зажглись тёплые искорки. - Это моя собственная вещь. Ну, точнее, набросок. Я никак не могу дописать финал, постоянно сбиваюсь на этот чёртов фа-диез. Мне нужен другой голос, чтобы выйти из тупика.

- Какая тональность? - я прижала скрипку подбородком к плечу, привычным движением поправляя левой рукой волосы так, чтобы они полностью закрывали правое ухо с аппаратом. Старая привычка, сработавшая на автомате.

- Ре-минор, - Лукас повернулся к клавишам, его пальцы зависли над белой костью. - Темп медленный, тягучий. Представь, что ты стоишь на обрыве, а внизу шумит море. И тебе очень нужно сделать шаг, но страшно до чёртиков.

- Я знаю это чувство, - тихо отозвалась я, прикрывая глаза. Слишком хорошо знаю.

Лукас взял первый аккорд. Низкий, бархатный, глубокий бас рояля заполнил пустое пространство зала. Он начал играть ту же мелодию, которую я слышала из-за двери, но теперь он вёл её мягче, осторожнее, словно прощупывал поч-

ву.

Я выждала четыре такта, улавливая ритмический рисунок, а затем плавно опустила смычок на струну.

Скрипка отозвалась чистым, щемящим звуком. Я не знала его нот, но мой абсолютный слух вёл меня сам, вплетая тонкую, плачущую нить струнных в тяжёлую, дождливую ткань его фортепиано. Это было невероятное ощущение. Два абсолютно незнакомых человека, которые минуту назад даже не знали имен друг друга, сейчас разговаривали на языке, который не требовал слов.

Лукас заиграл увереннее. Его пальцы расслабились, он перестал спотыкаться. Мы приближались к той самой сложной музыкальной фразе, где он оборвал игру в первый раз. Под моим смычком струна задрожала, взлетая на октаву выше, и вместо того самого фа-диеза, который ломал ему всю структуру, я перевела мелодию в чистую, светлую си-бемоль, даря его тоске надежду на разрешение.

Лукас резко вскинул голову, его глаза широко распахнулись. Он подхватил мою импровизацию, его правая рука рассыпалась по клавишам красивейшим, летящим арпеджио. Мы держали этот финал вместе, пока последний звук рояля и финальное затихающее вибрато моей скрипки не растворились под сводами актового зала.

Когда наступила тишина, мы оба тяжело дышали. На губах Лукаса блуждала ошарашенная, абсолютно счастливая улыбка.

- Боже, Айрис... - выдохнул он, качая головой. - Ты просто невероятная. Ты за секунду сделала то, над чем я бился целый месяц. Этот переход на си-бемоль... Это было гениально.

Я опустила скрипку, чувствуя, как к щекам приливает приятное тепло. Напряжение, копившееся внутри после изматывающего сольфеджио и вчерашних разборок в блоке, наконец-то начало отпускать, растворяясь в прохладном воздухе зала. Впервые за всё время в Сент-Джуд я почувствовала, что я действительно на своём месте.

- Рада, что помогла, - искренне улыбнулась я, аккуратно укладывая скрипку обратно в бархатное нутро кофра. - На самом деле, у тебя потрясающая тема. В ней столько... воздуха. И Орегона. Под такой мотив здорово смотреть на дождь.

- Да уж, чего-чего, а дождя у нас тут навалом, - Лукас мягко рассмеялся, разворачиваясь на банкетке всем телом и подпирая подбородок ладонью. Откинув назад светлую прядь, он с живым любопытством принялся разглядывать меня. - Значит, первый курс? Из какого города приехала? Не местная же, судя по тому, как удивлённо ты реагируешь на наши туманы.

- Из Мэна, - ответила я, застёгивая металлические замки футляра. Называть свой маленький провинциальный городок не хотелось - слишком много тяжёлых воспоминаний было завязано на его названии. - Там тоже серо и сыро, но

как-то... по-другому. Более камерно, что ли.

- О, Мэн - это круто. Суровые атлантические пейзажи, - понимающе кивнул он. - А я местный, портлендский. Кстати, если тебе понадобится помощь с тем же сольфеджио или нужно будет узнать, у какого автомата на кампусе самый сносный кофе - обращайся.

Его тон был настолько лёгким, дружелюбным и напрочь лишенным какого-либо пафоса, что я поймала себя на мысли: мне чертовски повезло зайти именно в этот зал. После высокомерных третьекурсников на байках и их злобных подругек, Лукас казался каким-то нереальным, словно пришедшим из совершенно другой, нормальной вселенной.

- Ловлю на слове, - усмехнулась я, закидывая лямку рюкзака на одно плечо и беря в руку кофр. - Потому что после сегодняшних септаккордов я всерьез думала о том, чтобы забрать документы.

- Эй, даже не думай! Сент-Джуд потеряет лучшего суфлёра для моих недописанных финалов, - Лукас шутливо пригрозил мне пальцем, а затем поднялся из-за рояля, потягиваясь. Он накинул на плечо рюкзак, аккуратно закрыл крышку над клавишами и мягко посмотрел на меня. - Ладно, мне пора бежать в библиотеку, пока её не закрыли. Нужно сдать пару старых партитур, а то библиотекаряша меня живьем съест.

Он направился к выходу, но у самой двери обернулся, придерживая тяжелую дубовую створку.

- Спасибо за музыку, Айрис из Мэна, - он тепло улыбнулся.

ся, и в его ясных глазах снова заплясали добрые искорки.
- Ну... встретимся на кампусе. Обязательно порепетируем ещё как-нибудь. Ты ведь ещё побудешь здесь?

- Да, хочу немного позаниматься, - кивнула я.

- Тогда до встречи. Не усердствуй слишком сильно.

Дверь за ним тихо закрылась, и актовый зал мгновенно погрузился в давящую, огромную тишину.

Я перевела дыхание. Внутри всё ещё вибрировало эхо нашего короткого дуэта, а мысли путались. Всё произошло так быстро. После удушающей злости Кроу, после допроса девочек в комнате, это внезапное, чистое знакомство с Лукасом казалось глотком кислорода. Он был таким... нормальным. Простым, теплым. Без скрытой агрессии и без этого дурацкого пафоса, которым пропах весь Сент-Джуд.

Мне отчаянно нужно было заземлиться. Переварить всё это и вернуть контроль над собственной жизнью.

Я снова достала скрипку, бережно уложила её на плечо и закрыла глаза.

Сначала смычок коснулся струны неуверенно, издав тихий, дрожащий звук. Но уже со следующего такта музыка просто излилась из меня безудержным, яростным потоком.

Я не играла классические этюды. Я играла саму себя. Каждое движение руки, каждый нажим пальцев на гриф выплёскивали наружу то, что я заталкивала поглубже внутрь последние сорок восемь часов. В этих звуках была холодная изморось вчерашней парковки. В них был рёв чужого, пу-

гающего мотоцикла, который едва не снес меня в темноте. Там был утренний унижительный шёпот в кофейне и стальная, обжигающая хватка Кроу на моём запястье. И его глаза... этот невозможный, яростный взгляд, который до сих пор стоял у меня перед внутренним взором.

Скрипка плакала, срывалась на хриплые, резкие аккорды и снова взлетала вверх, заполняя звуками каждый угол пустого актового зала. Мой абсолютный слух вел меня сквозь эту бурю, трансформируя страх, усталость от сольфеджио и глухую обиду в чистую, осязаемую энергию. Я играла так сильно, что пальцы левой руки начало покалывать, а по спине пробежали мурашки.

Это было очищение. Смычок летал по струнам, вымывая из мыслей образ татуированного парня, стирая шёпот Хлои и сложные вопросы Майи. Музыка подчинялась мне беспрекословно, возвращая ощущение того, что я сильная. Что я справлюсь.

Финальный пассаж оборвался на высокой, звенящей ноте, которая еще несколько секунд вибрировала под сводами потолка, прежде чем окончательно растаять в сумерках.

Я опустила руку со смычком, тяжело и часто дыша, словно только что пробежала марафон. Лоб покрылся мелкой испариной, сердце бухало где-то в горле. Но узел, который стягивал грудь последние два дня, наконец-то полностью исчез. На душе стало непривычно, звеняще пусто и легко.

Глава 5. Ломанные линии

Айрис

Суббота подкралась так же незаметно, как и холода. Теперь в одной толстовке на кампусе уже было некомфортно, а дожди лили всё чаще, отчего приходилось надевать резиновые сапоги и прятаться под глубокими капюшонами. Серая пелена, казалось, окончательно въелась в кирпичные готические стены Сент-Джуд, превращая территорию университета в унылую, размытую акварель.

- Итак, - радостно сказала Хлоя, с шумом заходя в комнату и с размаху сбрасывая на пол мокрый, усыпанный каплями зонт, - сегодня мы идём с вами в кино, и это даже не обсуждается.

Она требовательно осмотрела нас, уперев руки в бока и забавно встряхнув волосами.

- Майя слишком засиделась за своими учебниками по психоанализу, а ты, Айрис, - ее цепкий, оценивающий взгляд упал на меня, - тебе просто жизненно необходимо развеяться. Хватит букой сидеть и гипнотизировать стены.

- Я «за», - тут же отозвалась Майя. Она медленно закрыла толстый том в кожаном переплёте и с мягким, но красноре-

чивым намеком посмотрела на меня вместе с Хлоей.

Я устало выдохнула, откидываясь спиной на податливый матрас кровати и глядя в побеленный потолок. Тело после изматывающей недели требовало глухой, неподвижной спячки, но перспектива остаться в субботу наедине со своими мыслями пугала меня гораздо сильнее.

Правда, после того вечера в актовом зале дышалось уже намного легче. Всплывающее в памяти лицо Лукаса, его мягкая, искренняя улыбка и то, как послушно наши инструменты слились в один идеальный, светлый аккорд, до сих пор оставляли в груди приятное, согревающее тепло. Впервые за эти дни университет показался мне не декорацией к затяжному кошмару, а местом, где я могу быть счастлива.

- Я согласна, - сдалась я, нехотя приподнимаясь на локтях.
- Только мне сначала нужно позаниматься. Профессор Уэст сожрёт меня в понедельник на индивидуальном, если я не отрепетирую штрихи.

- Хорошо, - Хлоя довольно заулыбалась и шустро достала телефон, листая пальцем расписание сеансов в ближайшем торговом центре. - Тогда что насчёт того, чтобы встретиться сегодня в шесть у кофейни?

- Только не..., - начала я, и внутри всё инстинктивно сжалось от одной мысли, что придётся снова тащиться в «Red Cup» и рисковать наткнуться на высокомерную свиту Кроу. На сегодня мой лимит стойкости был на нуле.

- Пойдём в другую, - понимающе перебила меня Хлоя,

заметно смягчив тон. Она слишком хорошо помнила мой утренний вид после того, как Дэмиан выволок меня за угол здания. - В шесть часов встречаемся в «The Grind & Page», на углу у старой библиотеки. Там делают потрясающий тыквенный латте, вокруг куча стеллажей со старыми книгами и пафосных байкеров отродясь не бывало. Они читать не умеют.

- Договорились, - ответила я, окончательно поднимаясь с кровати и потягивая затекшую спину. - Тогда я заниматься, а позже встретимся.

- Договорились! Только не опаздывай, места займем в самом центре! - крикнула Хлоя мне уже в спину, когда я потянулась к вешалке.

Надев плотный непромокаемый дождевик, поправив слуховой аппарат и натянув резиновые сапоги, я дважды проверила, надежно ли застегнут футляр скрипки, и вышла из тёплого корпуса общежития наружу.

Дорога до музыкального крыла пролежала через раскидистый старый сквер. Из-за плотной, висящей в воздухе измороси видимость была паршивой - встречные студенты казались размытыми темными силуэтами, спешащими укрыться под козырьками зданий от пронизывающего ветра. Под подошвами сапог хлюпала раскисшая грязь и потемневшие, намертво прилипающие к асфальту кленовые листья.

Я упрямо шла вперёд, натянув капюшон пониже на лоб. Настроение было на удивление ровным, почти рабочим. Му-

зыка подчинялась мне, а значит, я справлюсь со всем остальным. Ливень привычно стучал по плотному пластику дождевика, создавая размеренный, монотонный и почти гипнотический ритм.

Погруженная в этот шум, я почти добежала до каменных ступеней музыкального корпуса, как вдруг до моего слуха донесся резкий, визгливый звук тормозов. Совсем близко, заставив меня вздрогнуть.

Прямо у тротуара, взметнув высокий фонтан грязной воды из глубокой лужи, резко затормозил потрепанный серый пикап. Дверца с пассажирской стороны с грохотом распахнулась, и из салона прямо на мокрую, истоптанную траву выскочил запыхавшийся парень в насквозь промокшей форменной куртке курьерской службы. В руках он сжимал небольшой плотный сверток, обернутый в матовый непромокаемый пластик.

Он ошалело огляделся по сторонам, едва не поскользнувшись на скользком дерне, и его взгляд тут же зацепился за меня - единственную живую душу на этой пустынной аллее.

- Эй! Привет! - крикнул он, перекрывая глухой шум затяжного дождя и подбегая ближе. - Извини, ради бога. Ты ведь с музыкального отделения? Айрис Рид, верно?

Я замерла на первой ступеньке корпуса, инстинктивно сжав пальцами ручку футляра до побеления суставов. Сердце сделало тяжёлый, неровный толчок, проваливаясь куда-то в желудок. Откуда этот незнакомый парень в курьерской

куртке знает моё имя? Я ведь без пяти минут первокурсница, которая нигде толком не успела засветиться в этих краях. И не планировала.

- Да, это я, - осторожно и максимально сухо ответила я, пристально глядя на него из-под глубокого навеса капюшона.

- Слава богу, я думал, весь день тебя тут караулить буду по корпусам, - он облегченно выдохнул, протягивая мне холодную посылку. - На, держи. Это тебе. Настойчивый заказчик попался, оплатил тройной тариф через приложение, лишь бы доставили лично в руки. Распишись вот здесь.

Он сунул мне под нос светящийся электронный терминал. На автомате, всё ещё ничего не понимая и чувствуя странное оцепенение, я черкнула стилусом кривую закорючку.

- А от кого это? - спросила я, забирая прохладный свёрток. На гладком пластике не было ни штрихкодов, ни обратного адреса, только моё имя, выведенное жирным черным маркером.

- Понятия не имею, чувак набрал через диспетчера, имя не назвал. Дал твои примерные координаты и описал внешность, - парень махнул рукой, уже разворачиваясь обратно к машине. - Хороших выходных!

Дверца пикапа захлопнулась с глухим металлическим стуком, старый мотор натужно взревел, и машина мгновенно скрылась в серой пелене дождя, оставив меня стоять на крыльце с непонятной посылкой в руках.

Внутри здания было тепло, сухо и непривычно тихо. Коридоры музыкального крыла в субботу пустовали, и только из дальних репетиториев на верхних этажах глухо доносились отголоски чьих-то монотонных гамм. Я дошла до первого свободного класса, опустила кофр на пол, рывком сняла мокрый, шуршащий дождевик и села за парту, не сводя глаз со свертка.

Пластиковая упаковка поддалась с тихим, надрывным треском. Оторвав верхний слой, я извлекла на свет плотную картонную коробку с узнаваемым логотипом известного немецкого бренда медицинской и аудиотехники. Внутри, в мягких поролоновых пазах, ровными рядами лежали три новеньких блистера батареек для моего слухового аппарата - именно той редкой, специфической маркировки, которую в Портленде приходилось искать по спецзаказам в аптеках. Маленькие серебряные диски, идеально подходящие под мое правое ухо.

Рядом с блистерами лежала сложенная вдвое записка.

Я развернула её.

«Чтобы ты слышала, когда я буду говорить тебе убираться с моей дороги».

Подписи внизу не было, но она и не требовалась.

Записка задрожала в моих пальцах, а к горлу подступила удушливая, горячая волна обиды и бессилия. Кроу. Это был Дэмиан Кроу.

Внутри меня взорвался целый коктейль из эмоций: дикая,

обжигающая злость от его абсолютной, непрошибаемой самоуверенности, унижение от того, что он так бесцеремонно лезет в мою жизнь, и... леденящий душу страх. Откуда он узнал маркировку аппарата? Как он вычислил, где я? И самое главное - этот парень не просто злился из-за уязвленного эго. Он следил за мной. Он знал каждый мой шаг.

Субботний покой разлетелся вдребезги.

- Придурок, - процедила я сквозь зубы, комкая листок в кулаке так сильно, что ногти вонзились в ладонь. - Больной, сумасшедший придурок.

Выудить из коробки редкие, дорогие блистеры оказалось не так просто. Ладони слегка трясло от kloкочущей внутри ярости. Кроу думал, что этот жест его мнимого превосходства заставит меня испугаться? Что я смирюсь с его всезнанием и покорно вставлю в аппарат батарейку, купленную на его деньги? Чёрта с два.

Я резко поднялась со стула, подошла к стоящей у двери серой пластиковой урне и с силой, наотмашь швырнула туда коробку. Блистеры ударились о пластиковое дно с глухим стуком. Туда же полетел и измятый, крошечный комочек его записки. Мне не нужны были его подачи, и уж точно не его издевательская забота, замешанная на тотальном контроле и демонстрации силы.

Вернувшись к парте, я сделала несколько глубоких вдохов, пытаясь унять бешено колотившееся в груди сердце. Спокойно. Нужно успокоиться. Музыка всегда спасала ме-

ня, в любые времена. Стоит только взять в руки инструмент, закрыть глаза, и весь этот бред с Кроу, его курьерами и дурацкими психологическими играми просто перестанет существовать. Он не имеет власти над моей музыкой.

Я достала скрипку, плавным, заученным движением затянула смычок и прижала подбородок к подгрифнику. Прикрыла глаза, мысленно настраиваясь на технически сложный, стремительный этюд Крейцера, который требовал идеальных, математически выверенных движений и абсолютно-го покоя в мыслях.

Взмах.

Струна отозвалась резким, каким-то рваным и надсадным звуком. Пальцы левой руки казались чужими, деревянными, совершенно непослушными. Я недовольно нахмурилась, встряхнула кисть и начала заново. Фа-мажор, плавное легато, чистый, скользящий переход на третью позицию... И снова мимо. Смычок сорвался с траектории, издав противный, фальшивый скрежет, полоснувший по ушам.

Я попробовала переключиться на партитуру профессора Уэста, но чёрные нотные знаки на белой бумаге расплывались в сплошные ломаные линии. В голове набатом, заглушая реальные звуки, стучала чёртова строчка из записки. *«Чтобы ты слышала, когда я буду говорить тебе убираться с моей дороги»*. Каждое слово Кроу словно выжигало остатки моей концентрации, лишая меня единственного убежища. Его образ фантомно стоял перед глазами, парали-

зую волю.

Прошёл битый час. Огромный, пустой класс с высокими окнами медленно превращался в персональную камеру пыток. Скрипка, которая ещё недавно так легко, послушно изливала мою душу, сегодня упрямо молчала, отвечая лишь фальшивыми, безжизненными и плоскими нотами. Я сбивалась на простейших пассажах, путала позиции, а пальцы безжалостно зажимались - точь-в-точь как у Лукаса вчера, только у меня это происходило не из-за страха перед выступлением или экзаменом, а из-за разъедающей, удушающей злости.

В какой-то момент, в очередной раз грязно смазав чистую квинту и издав хриплый писк вместо звука, я просто не выдержала.

- Да чтоб тебя! - вскрикнула я в гулкую пустоту класса, и мой голос сорвался.

Внутри всё буквально взорвалось. Накопившееся за неделю разочарование, бессилие и ярость накрыли меня с головой. Хватит. Из этой репетиции всё равно ничего не выйдет, инструмент чувствует мою фальшь и злость. Кроу всё-таки добился своего - отравил мне субботу даже на расстоянии, просто прислав коробку с батарейками.

Я в ярости опустила инструмент, тяжело дыша и едва сдерживая подступающие к глазам жгучие слёзы бессилия. Позорно разрыдаться в пустом классе из-за записки какого-то заносчивого байкера было бы окончательным поражением.

нием. Быстрыми, рваными, хаотичными движениями я убрала скрипку в футляр, резко защелкнула металлические замки так, что один из них больно прищемил мне кожу на пальце. С шипением отдернув руку, я натянула дождевик, даже не потрудившись застегнуть его до конца.

Посмотрев на экран телефона, я мгновенно похолодела, а остатки злости сменились паникой. На часах было уже без двадцати пяти шесть. Из-за своей бесполезной, упорной борьбы с инструментом и собственными нервами я едва не пропустила время встречи. Хлоя устроит мне вторую публичную казнь прямо посреди кампуса, если я опоздаю и сорву им долгожданный поход в кино.

Я подхватила потяжелевший кофр, пулей вылетела из класса и быстрым, почти переходящим на бег шагом направилась обратно в сторону общежития. Мне нужно было во что бы то ни стало успеть добежать до корпуса, скинуть инструмент в комнате, хоть немного переодеться и смыть с лица это выражение загнанного в угол, побитого зверька, пока Майя и Хлоя ничего не заподозрили.

Глава 6. Пленница темноты

Айрис

Добравшись до общежития за считанные пять минут, я ворвалась в комнату как ураган. Тяжелая дверь захлопнулась за спиной с глухим стуком, отсекая шум улицы. Я быстро, едва не путаясь в ногах, сбросила с себя резиновые сапоги и насквозь промокший плащ, с которого на линолеум мгновенно натекла лужица. Бережно, но лихорадочно перехватив кофр, я уложила скрипку в дальний угол комнаты - подальше от прохода и от собственных глаз. Видеть инструмент после позорного, фальшивого репетиционного часа не хотелось.

Времени не было совершенно. В лучшем случае у меня оставалось пара минут на то, чтобы хоть как-то привести себя в порядок, унять внутреннюю дрожь и не заставить девчонок переживать. Взглянув в зеркало - я поморщилась: из отражения на меня смотрел взъерошенный, бледный зверёк с горящими от злости глазами.

- Спокойно, Рид. Соберись, - прошептала я собственному отражению.

Включила ледяную воду, плеснула ею в лицо, пытаюсь смыть липкое ощущение чужого присутствия, которое пре-

следовало меня после курьерской посылки. Затем быстрыми движениями собрала непослушные, влажные рыжие волосы в высокий, тугой хвост, стянув его резинкой до лёгкой боли в скальпе. Правое ухо, осталось без заряженной батарейки, но мне было плевать. Пусть. Главное - успеть.

Из шкафа я выудила любимый джемпер зеленого цвета с крупной, уютной вязкой. Его прислала мама всего пару дней назад в огромной коробке вместе с домашним печеньем, чтобы я не мерзла в этом суровом климате. Стоило натянуть его через голову, как в нос уткнулся едва уловимый, родной запах дома в Мэне - сухая лаванда, чистый кондиционер для белья и щепотка тепла, которого мне так не хватало. Этот запах подействовал на мои натянутые, как струны, нервы как лёгкое успокоительное. Поменяв резиновые сапоги на сухие осенние ботинки и перехватив небольшую сумку, я выбежала на улицу.

На крыльце я на секунду замерла, доставая телефон. Можно было бы вызвать такси, но, взглянув на карту, я поняла, что в субботний вечер из-за пробок и непрекращающегося ливня я явно буду ждать машину гораздо дольше, чем дойду сама пешком.

Открыв навигатор, я поставила точку геолокации на нужное кафе. Десять минут ходьбы. Отлично. Если я прибавлю шаг и срежу через центральную аллею, то успею минута в минуту.

Изморось на улице превратилась в мелкую, густую водя-

ную пыль, которая зависла в воздухе, из-за чего свет уличных фонарей казался размытым и ядовито-жёлтым. Я шла быстро, пряча руки глубоко в карманы и стараясь дышать как можно глубже, размеренно, на четыре счета. Нужно было во что бы то ни стало выветрить из мыслей Кроу. Его размашистый, издевательский почерк. Его пугающую записку.

«Он просто хочет запугать тебя, - твердил внутренний голос. - Не доставляй ему такого удовольствия».

Мамин джемпер согревал, а ровный, быстрый шаг по асфальту помогал вернуть остатки контроля над телом. Кампус постепенно заполнялся вечерней субботней суетой: группы студентов громко смеялись, прячась под огромными зонтами, где-то вдалеке играла музыка из открытого окна мужского общежития. Все жили нормальной, веселой студенческой жизнью. И я тоже буду жить ей. По крайней мере, сегодня вечером.

«The Grind & Page» показалась из-за поворота ровно через девять минут. Это было невероятно уютное место на цокольном этаже старого кирпичного здания прямо на границе кампуса. Из больших полукруглых окон лился мягкий, янтарный свет, сквозь который виднелись бесконечные стеллажи, заставленные книгами до самого потолка.

Я толкнула тяжёлую дверь с медной ручкой. В лицо тут же ударил умопомрачительный, густой запах свежееобжаренного кофе, корицы и старой бумаги. Внутри было тепло, тихо и играл ненавязчивый джаз. Никакого рёва моторов, никаких

кожаных курток и тяжёлых взглядов. Настоящее убежище.

- Айрис! Мы здесь! - негромко, но активно замахала рукой Хлоя из самого центра зала.

Они с Майей уже оккупировали круглый деревянный стол, зажатый между двумя массивными книжными шкафами. На Хлое был пушистый белый свитер, а Майя уже успела обложиться какими-то распечатками, но при моем появлении тут же отодвинула их в сторону. Перед ними стоял огромный чайник из красной глины и тарелка с крошечными круассанами.

- Ты успела! Секунда в секунду, - Хлоя сияла, пододвигая мне глубокое, обитое мягким вельветом кресло. - Садись скорее, мы уже заказали тебе большой тыквенный латте. О боже, какой крутой джемпер! Тебе невероятно идет этот цвет к волосам.

- Спасибо, мама прислала, - улыбнулась я, с удовольствием утопая в мягком кресле и чувствуя, как напряжение в плечах наконец-то начинает таять. Сладкий латте приятно согревал ладони сквозь толстую керамику чашки.

- Ну что, как порепетировала? - спросила Майя, внимательно вглядываясь в моё лицо. От ее пронизательного взгляда будущего психолога было трудно что-то скрыть, и я поспешно сделала большой глоток, чтобы спрятать глаза за плотной молочной пеной.

- Нормально, - соврала я. - Пальцы немного зажались с непривычки, но в целом пойдёт. Что там с кино? На какой

сеанс идём?

- На семь вечера, - Хлоя затеребила свой телефон. - Взяла билеты на новый триллер. Майя сказала, что там потрясающе раскрыта тема скрытых мотивов и паранойи, а я просто клюнула на красивый постер и классного актёра в главной роли.

Мы рассмеялись. Девчонки увлеченно спорили об актерах, Хлоя воровала круассаны с тарелки, а я сидела, окутанная ароматом кофе и старых книг, и мысленно благодарила их за этот вечер. Атмосфера была настолько согревающей и правильной, что я на секунду окончательно поверила: этот вечер пройдет идеально.

Посидев ещё минут двадцать и допив чай, мы поднялись. Времени до начала сеанса оставалось всего ничего. Мы быстро расплатились, накинули куртки и весёлой гурьбой двинулись в сторону торгового центра. Хлоя всю дорогу взахлёб продолжала пересказывать завязку фильма, Майя комментировала, а я просто шла рядом, чувствуя себя в полной безопасности.

Уже через двадцать минут мы стояли в шумной очереди к кассам кинотеатра, окружённые запахом сладкой карамели и солёного масла. Купив огромное ведро попкорна на троих, мы наконец зашли в прохладный, погруженный в полумрак зал.

Наши места оказались на седьмом ряду, точно по центру - самый лучший обзор, как и обещала Хлоя. Она с блаженным

вздохом опустилась в кресло посередине. Майя села справа от нее, а я устроилась слева.

В зале медленно погас верхний свет. Экран вспыхнул первыми кадрами громкой рекламы, оглушительный объёмный звук заставил завибрировать сиденья. Я расслабилась, глубже вжимаясь в мягкое кресло.

Рекламный блок подошёл к концу. Экран на мгновение погас, затем на нём появилось мрачное название фильма, и в зале воцарилась относительная, гнетущая тишина, нарушаемая лишь редким хрустом попкорна.

И именно в этот момент по моей шее пробежал странный, колючий холодок.

Сначала я попыталась списать это на кондиционеры. Но ощущение не проходило. Наоборот, оно становилось всё более плотным, тяжёлым, почти осязаемым. Мне казалось, что в мой затылок упрямо, не мигая, вонзается чей-то пристальный, раскаленный взгляд. Мамин уютный джемпер вдруг показался удушающе жарким.

Я честно пыталась сосредоточиться на экране, но мой внутренний радар музыканта буквально кричал об опасности. Этот взгляд... я узнала бы его из тысячи. Он обладал своей собственной, удушающей гравитацией.

Не выдержав этой пытки, я под предлогом того, что разминаю затекшую шею, медленно, на пару сантиметров повернула голову назад и посмотрела на ряд выше.

Экран как раз залило яркой, слепящей белой вспышкой

- в фильме взорвались автомобильные фары, - и в этом секундном контрастном свете я четко, во всех деталях увидела тех, кто сидел ровно за нами.

На восьмом ряду, прямо за моей спиной, вальяжно откинувшись на спинку кресла, сидел Дэмиан Кроу. Его длинные пальцы, покрытые ломаными линиями татуировок, лениво постукивали по подлокотнику. Ледяные, темные глаза смотрели в упор на меня - насмешливо, гипнотически и пугающе спокойно. На нём было свободное черное худи, но от этого его силуэт не казался менее массивным или угрожающим. Он не смотрел на экран. За всё это время он ни разу не взглянул на фильм. Он смотрел только на мой затылок.

Слева от него сидел Нейт. Заметив, что я обернулась, он узнал меня, добродушно улыбнулся сквозь темноту зала и приветливо салютовал мне двумя пальцами, мол, «привет, белка, какая встреча». А с другой стороны от Кроу, близко привалившись к его плечу и что-то тихо шепча ему на ухо, сидела какая-то симпатичная брюнетка с короткой, дерзкой стрижкой. Дэмиан даже не косился в ее сторону. Он полностью, демонстративно игнорировал её присутствие, потому что всё его внимание было приковано ко мне.

Заметив мой ошеломленный взгляд, он слегка приподнял подбородок. В глубине его глаз проскользнула едва заметная, торжествующая и злая усмешка. Он всё понял. Он понял по моему лицу, что посылка была доставлена, коробка открыта, записка прочитана, а его маленькая психологиче-

ская игра сработала на все сто процентов.

Я резко отвернулась обратно к экрану. Сердце в груди начало бешено, до физической боли колотиться. Дыхание перехватило. Нас разделяло всего несколько десятков сантиметров и тонкая спинка кресла. Кроу сидел прямо за мной. И теперь этот фильм обещал стать для меня самым настоящим персональным хоррором.

Следующие два часа превратились в изощренную, медленную ментальную пытку. Я сидела, вытянувшись в струну, боясь даже лишний раз пошевелиться. Спина затекла до судорог. Все мои мысли, каждый оголенный нерв, весь мой абсолютный слух были сосредоточены исключительно на пространстве за моей спиной.

Моё левое, чуткое ухо, несмотря на грохот спецэффектов из динамиков, умудрялось вычленять шорохи с восьмого ряда. Вот Кроу едва заметно сменил позу. Вот послышался тихий шорох ткани его худи. Я ждала любого подвоха. Но сзади царил относительная, давящая тишина. Он просто сидел там и наслаждался тем, как меня штормит от одного его присутствия.

В середине фильма, когда на экране наступил момент гнетущего затишья перед кульминацией и вся музыка в зале смолкла, я почувствовала лёгкое движение сзади. Спинка моего кресла едва заметно, мягко качнулась под чужим весом.

Прежде чем я успела сообразить, что происходит, чужие

длинные пальцы медленно, почти невесомо скользнули по самому верху сиденья. Кровь застыла в моих жилах, когда я почувствовала: Кроу коснулся моих волос. Его ладонь ощущалась обжигающе горячей. Он медленно, намеренно запустил пальцы в основание моего высокого хвоста, пропуская рыжие пряди сквозь фаланги, а затем слегка, лениво намотал кончик волос на палец, потянув назад. Не больно, но властно. Требуя внимания.

Я замерла, полностью переставая дышать. Глаза широко распахнулись в темноту, а пальцы впились в подлокотники с такой силой, что заболели. Это прикосновение было настолько наглым, интимным и пугающим, что у меня на секунду потемнело в глазах. До моего левого уха донеслось его едва уловимое, тяжёлое дыхание.

Через долгие, бесконечные пять секунд его пальцы плавно разжались, выпуская мои волосы. Кроу с тихим шорохом снова откинулся на спинку своего кресла, оставив меня дрожать от смеси дикой, удушающей ярости и парализующего страха.

Хлоя и Майя, разумеется, ничего этого не заметили. Они были слишком увлечены происходящим на экране. На особо страшных моментах Хлоя испуганно вскрикивала и судорожно хватала меня за руку. Я машинально сжимала её тонкие пальцы в ответ, хотя сама в этот момент находилась на грани ментального срыва. Майя же сидела с абсолютно спокойным, профессорским лицом - её взгляд был проница-

тельным и рассуждающим. Если бы она только знала, какой психопат сидит прямо за нами.

Когда на экране наконец поползли белые строчки финальных титров и в зале мягко, постепенно зажегся блеклый, полутемный жёлтый свет, я продолжала сидеть неподвижно. Внутри всё просто заледенело. Больше всего на свете я сейчас боялась повернуться. Боялась снова столкнуться с его ледяными глазами.

- О боже, это было просто невероятно! Концовка - взрыв мозга! - Хлоя первая подскочила со своего кресла, шумно выдыхая и смешно стряхивая с джинсов остатки попкорна. Она наклонилась ко мне и сочувственно поджала губы. - Айрис, эй, ты чего? Ты так побледнела, на тебе лица нет! Фильм, конечно, жуткий, но это же просто кино, вылезай из ступора!

- Да, Рид, тебя будто призраки по всему залу гоняли, - констатировала Майя, поднимаясь вслед за Хлоей и накидывая на плечи своё пальто. - Пойдёмте быстрее к выходу, пока толпа в дверях не встала. Нам нужно успеть вернуться в общежитие.

Она была абсолютно права. Так как сегодня была суббота, комендантский час для первокурсников в Сент-Джуд немного сдвигался, и вход в жилой корпус был разрешён до одиннадцати вечера. Времени на часах оставалось ещё прилично, так что бежать сломя голову нам было особенно некуда, но девчонки явно хотели поскорее обсудить финал в тепле на-

шей комнаты.

- Да... да, я сейчас, - хрипло, с трудом выдавила я из пересохшего горла. - Идите вперед к проходу, я буквально секунду, догоню вас у дверей.

Хлоя ласково потянула меня за рукав зеленого джемпера, увлекая за собой к выходу:

- Ну пойдём, пойдём!

Сцепив зубы до скрежета и морально приготовившись к худшему, я наконец медленно поднялась со своего места. Сделав глубокий вдох, я заставила себя обернуться назад, на восьмой ряд.

Моё сердце пропустило удар, а все заготовленные колкие слова застряли в горле.

Сзади никого не было.

Кресло, в котором ещё несколько минут назад сидел Дэмиан Кроу, было абсолютно пустым. Не было ни Нейта, ни той брюнетки с короткой стрижкой. Они ушли. Растворились в темноте зала совершенно незаметно, прямо в тот момент, когда на экране начались титры и зрители только зашевелились, до того, как включили общий свет. Они оставили после себя лишь звенящую пустоту и смятые бумажные стаканы в пластиковых подстаканниках.

Я стояла посреди пустеющего кинозала, тупо глядя на эти серые, безжизненные сиденья, а по спине медленно сползала капля холодного пота. Кроу ушел. Но фантомное, пугающее ощущение его горячих пальцев на моих волосах не исчезло.

Оно жгло кожу.

Глава 7. Резонанс

Айрис

Я не могла уснуть. Ни в полночь субботы, ни в глухие, предрассветные часы воскресенья.

Стоило мне закрыть глаза в полумраке нашей комнаты, как сознание услужливо подбрасывало одну и ту же сцену: гаснущий свет кинозала, гнетущая тишина перед кульминацией фильма и это внезапное, обжигающе горячее прикосновение к затылку. Я физически, до тошноты и покалывания в коже, помнила, как длинные пальцы Кроу медленно перебирали мои волосы, как он лениво наматывал рыжие пряди на палец, заставляя меня замереть от ужаса. В ушах фантомно стоял его запах - горький табак, машинное масло и дорогой парфюм. Запах капкана, в который я угодила.

В воскресенье утром, не выдержав этого наваждения, я ушла в общую душевую. Я стояла под ледяными, а затем под обжигающе горячими струями воды так долго, что кожа на теле покраснела, а пальцы сморщились. Я терла затылок мочалкой до боли, пыталась физически содрать, смыть с себя это липкое ощущение чужого присутствия. Хотелось очистить мысли, вернуть ту внутреннюю свободу, которую я так

бережно нащупала во время пятничной репетиции.

- Айрис! Эй, ты там жива? - в дверь душевой кабинки негромко, но взволнованно постучала Хлоя, прерывая плотный шум воды. - Ты там уже больше часа! Мы с Майей начали переживать, всё в порядке?

- Да, да! - хрипло крикнула я в ответ, выключая смеситель. Вода с шумом ушла в слив, унося с собой пену, но не моё внутреннее удушье. - Задумалась просто. Уже выхожу!

Кое-как пережив воскресенье в тупом, полусонном оценивании за учебниками, я встретила утро понедельника.

Новая неделя на кампусе Сент-Джуд встретила меня привычной прохладой и плотным туманом. Накинув куртку и поправив в правом ухе слуховой аппарат, я вышла на улицу. Дорога к учебному корпусу была запружена спешащими, сонными студентами. Я шла, уткнувшись взглядом в носки своих ботинок, пока прямо перед моим носом кто-то весело не замахал рукой.

- Привет, Айрис!

Я вскинула голову и инстинктивно сделала шаг назад, но тут же расслабилась. Передо мной стоял Лукас. На нём была простая трикотажная кофта, а на лице блуждала та самая мягкая, искренняя улыбка, от которой на душе сразу становилось чуточку теплее.

- О, привет, - выдохнула я, чувствуя, как плечи впервые за эти двое суток наконец опускаются. - Тоже на пары?

- Ага, бегу на музыкальную литературу в третье крыло, -

он подстроился под мой шаг, аккуратно обходя глубокую лужу на асфальте. - А ты на индивидуальный к Уэсту? Слушай, ты как? Выглядишь уставшей. Всё нормально?

- Просто не выспалась на выходных, - уклончиво ответила я, не желая вешать на него свои кошмары. - Фильм в субботу с девочками смотрели... жутковатый триллер. До сих пор под впечатлением.

Лукас понимающе усмехнулся, но тут же его глаза загорелись каким-то совершенно детским, азартным восторгом. Он остановился прямо посреди аллеи, заставив парочку первокурсников обойти нас по газону.

- Кстати, о впечатлениях! Ты уже видела объявление на доске на первом этаже главного корпуса? - спросил он, заглядывая мне под капюшон.

- Какое объявление? - я нахмурилась.

- Через три недели в Сент-Джуд проходит ежегодный региональный музыкальный конкурс, - Лукас аж подался вперед от волнения, активно жестикулируя. - Туда приезжают профессора из консерваторий Бостона и Сиэтла. Это же безумный шанс для нас заявить о себе! И... - он на секунду замялся, его щеки едва заметно порозовели, но он упрямо продолжил, глядя мне прямо в глаза: - Там есть номинация для дуэтов. Айрис, я безумно хочу сыграть на этом конкурсе с тобой.

Моё сердце пропустило удар. Я вспомнила наш вечер в пустом зале - то, как идеально, без единой заминки наши

инструменты слились в одну общую, чистую мелодию. Это было так правильно и естественно, словно мы репетировали годами.

- Лукас, я... я не знаю, - растерялась я. - Профессор Уэст загрузил меня сложной программой, да и со слухом ты сам знаешь... Мне тяжело адаптироваться к новым залам.

- Твой слух идеален, ты чувствуешь музыку лучше, чем половина нашего курса вместе взятая, - твёрдо и мягко перебил меня Лукас. В его голосе не было ни капли жалости, только абсолютная, железобетонная вера в меня. - Мы выучим пьесу. У нас целых три недели. Подумай об этом, ладно? Это утрёт нос всем скептикам. И... мне правда очень понравилось играть с тобой.

Я посмотрела на его открытое, доброе лицо, и внутри шевельнулось что-то давно забытое. Смелость. Желание бороться за свое место под солнцем. Желание просто быть музыкантом, а не испуганной девочкой, которая прячется по углам от чужих теней.

- Хорошо, - улыбнулась я, чувствуя, как тяжесть последних дней окончательно отступает. - Я подумаю. Обещаю.

- Ловлю на слове! - Лукас просиял, посмотрел на часы и в ужасе округлил глаза. - Чёрт, я опаздываю! Профессор меня убьёт. Увидимся после обеда в репетитории, обсудим ноты!

Он развернулся и быстро побежал вверх по ступеням своего корпуса. Я проводила его взглядом, чувствуя, как на губах впервые за сорок восемь часов появляется настоящая,

легкая улыбка. Подняв голову к серому небу, я сделала глубокий вдох. Три недели. У меня есть цель, и я не позволю никому её разрушить.

Внутренности учебного корпуса пахли канифолью, лаком для паркета и вековой пылью, застрявшей в тяжелых бархатных кулисах малого зала. Понедельник всегда начинался шумно: из каждой второй двери доносились разрозненные звуки настраиваемых инструментов, обрывки вокальных распевок и нервный стук метрономов. Этот хаос обычно успокаивал меня, но сегодня я шла по коридору, чувствуя, как внутри всё равно подрагивает натянутая струна.

Профессор Уэст ждал меня в 214-м классе. Он сидел за массивным роялем, просматривая какие-то партитуры, и даже не поднял головы, когда я тихо прикрыла за собой дверь. Его седая шевелюра и строгие очки в тонкой оправе всегда нагоняли на первокурсников благоговейный ужас.

- Опоздание на полторы минуты, Рид, - сухо произнес он, перелистывая страницу. - Надеюсь, это время было потрачено на ментальную настройку, а не на пустые разговоры в коридоре. Доставайте инструмент.

Я молча кивнула, быстро расчехлила скрипку и встала у пюпитра. Сердце напомнило о субботнем провале, когда смычок упрямо фальшивил, но стоило мне прижать подбородок к дереву и встретиться взглядом со строгими голубыми глазами профессора, как включился голый профессиона-

лизм.

- Хроматический этюд. Посмотрим, как ваша левая рука справляется с позициями после выходных, - скомандовал Уэст, сложив руки на коленях.

Я сделала глубокий вдох, мысленно отсекая всё: Кроу, кинотеатр, записки, страхи. Остались только я, гриф и четыре струны.

Взмах.

Первые такты дались тяжело - пальцы ещё помнили субботний зажим, но на середине пассажа я вдруг вспомнила мягкий взгляд Лукаса и его слова: *«Ты чувствуешь музыку лучше, чем половина нашего курса»*. Это воспоминание сработало как щелчок. Кисть расслабилась, звук пошёл чистый, плотный, объёмный. Я вела смычок уверенно, заставляя скрипку петь, а не хрипеть.

Уэст молчал до самого конца этюда. Когда затих последний аккорд, он медленно поправил очки и едва заметно кивнул - для него это было равносильно бурной овации.

- Уже лучше, Рид. Намного лучше, чем на прошлой неделе. Появилась опора. Но над штрихами в третьей части ещё поработайте. Свободны.

Выйдя из класса, я почувствовала, как с души свалился огромный камень. Я смогла.

В три часа дня, как и договаривались, я пришла в репетиций № 9 в подвальном крыле - наше с Лукасом убежище. Он уже был там: сидел на банкетке перед старым, слегка по-

тертым роялем, окруженный горой нотных тетрадей, и увлеченно что-то чиркал карандашом прямо на пюпитре.

- Привет! Нам утвердили время для репетиций! - просил он, стоило мне переступить порог. Он так резко обернулся на скрип за дверью, что чуть не смахнул стопку листов с крышки инструмента. - Я тут поднял архивы библиотеки Сент-Джуд. Раз уж мы идём на конкурс как дуэт скрипки и рояля, нам нужно что-то особенное. Не заезженное. Что-то, где оба инструмента говорят на равных, а не просто один стучит аккомпанемент на заднем плане.

Я подошла ближе, опираясь рукой на лакированный бок инструмента, разглядывая пожелтевшие старые обложки.

- У тебя есть идеи? - спросила я, чувствуя, как его азарт передается и мне.

- Смотри, - Лукас аккуратно вытянул из середины стопки тонкую тетрадь. - Я нашёл потрясающее переложение классической сонаты Игнаца Плейеля. Номер мажорный, светлый, но там сумасшедшая полифония. Скрипка ведет тему, рояль подхватывает, они спорят, перебивают друг друга, а в конце сливаются в один финал. Это как разговор двух людей, которые наконец-то поняли друг друга.

Я взяла ноты в руки, пробегаясь глазами по строчкам. Сложно. Быстрый темп, прыгающие штрихи, постоянный диалог между моими струнами и его клавишами. Но в то же время внутри меня что-то отозвалось на эту мелодию. Она была живой, настоящей, полной надежды.

Мы настроили мою скрипку, Лукас открыл крышку пианино, и мы попробовали сыграть первые страницы. Получалось пока сыро, мы то и дело останавливались, притираясь к манере игры друг друга, ловя малейшие наклоны головы и движения плеч. Хмурились, путались в тактах, а потом дружно смеялись, когда кто-то из нас откровенно лажал, а старые клавиши выдавали глухой, забавный стук. Но к концу часа основная часть была разобрана. Мы официально утвердили конкурсную программу.

Лукас с довольным вздохом опустил руки на колени и потянулся к карандашу, чтобы сделать пометки прямо в партитуре. В репетитории воцарилась уютная, мягкая тишина.

Я посмотрела на свой инструмент, перевела взгляд на Лукаса, и вдруг в памяти всплыл тот вечер. Пустой, тонущий в сумерках актовый зал. И та невероятная, щемящая, немного одинокая мелодия, которую он тихо наигрывал сам для себя, пока не заметил меня. Она до сих пор жила где-то у меня под коркой.

- Лукас, - негромко позвала я.

- М-м? - он поднял на меня свои тёплые глаза.

- Помнишь... в пятницу. Прежде чем я зашла в зал, ты играл что-то своё. Не из учебной программы. Такую красивую, тягучую тему.

Лукас вдруг заметно смутился. Он отвел взгляд, а его пальцы робко пробежались по краю деревянной филёнки.

- А, это... Да так, просто наброски. Балуюсь иногда, когда

на душе паршиво. Ничего серьёзного, Айрис.

- Это было очень серьёзно, - мягко, но твёрдо возразила я, делая шаг ближе к нему. - Она была настоящей. Знаешь... конкурсная программа - это для профессоров. А я хочу сыграть то, что чувствуешь ты. Давай сыграем твою мелодию? Вместе. Прямо сейчас. Я попробую подобрать на слух.

Лукас удивленно вскинул голову. В его глазах промелькнуло целое созвездие эмоций - от робкого испуга до глубокой, ошеломляющей благодарности. Наверное, никто и никогда не просил его сыграть его собственную музыку.

- Ты... ты правда хочешь? - тихо спросил он.

- Очень. Начни, а я подхвачу.

Лукас сглотнул, повернулся к клавишам и занёс над ними руки. Он глубоко вздохнул, закрыл глаза, и над репетиториумом поплыл тот самый первый, глубокий и тоскливый аккорд в нижнем регистре. Звук был густым, как портлендский туман, и ранимым, как обнаженный нерв.

Я внимательно слушала. А затем прикрыла глаза, нащупывая тональность, подняла смычок и... мягко вступила со своей скрипкой.

Я не знала нот его произведения, но вела смычок по натию, интуитивно угадывая каждый следующий изгиб его мысли. Моя скрипка взмыла чуть выше, добавляя его грустным, ровным аккордам тонкого, светлого драматизма. Инструменты больше не спорили. Они буквально дышали заодно. Мелодия Лукаса оказалась невероятно глубокой - в ней

была и тоска по дому, и страх не справиться, и какая-то хрупкая, едва зарождающаяся радость.

Мы играли, полностью растворившись в этом моменте. В крошечном подвальном классе Сент-Джуд, под аккомпанемент дождя за окном, мы создавали что-то исключительно наше. Без правил, без оценок профессоров и без страха перед внешним миром. И в этой чистой, доверительной тишине я наконец-то почувствовала, что способна дышать полной грудью. Наша музыка заполнила репетиторий до самого потолка, вытесняя из углов липкие тени прошлого. Мы были здесь. Мы звучали в унисон.

Глава 8. Чужие тени

Айрис

Попрощавшись с Лукасом, который был очень доволен нашей партией, мы договорились с ним встретиться в среду, чтобы продолжать репетировать. До конкурса оставалось всего ничего, а нам нужно было отточить каждый сложный переход, выровнять динамику и научиться дышать синхронно, чтобы звучать на сцене безупречно. Лукас уходил сияющий, бережно спрятав свои исчерканные черновики в рюкзак. Его светлая, мягкая энергия, казалось, физически ещё долго оставалась в комнате, удерживая тепло после того, как за ним захлопнулась массивная дверь.

Но как только его шаги затихли в дальнем конце коридора, это тепло начало стремительно испаряться.

Оставшись одна в зале, если вообще не во всём здании, учитывая то, что стрелки часов показывали уже начало седьмого вечера, я не спешила собираться. Шумный, суетливый дневной кампус затих, улегся. Коридоры цокольного этажа стремительно погружались в тусклые, липкие сумерки, и только редкий, монотонный гул старой вентиляции где-то под потолком нарушал эту огромную, непривычную тишину.

В подвале пахло сыростью, деревом и старыми инструментами.

Я посмотрела на скрипку в своих руках. Лакированный бок инструмента тускло блестел в полумраке. Внутри меня, прямо под ребрами, ворочался тяжелый, колющий ком, который не давал нормально дышать с самой субботы. Все эти разговоры, улыбки, вежливое «со мной всё в порядке» для девчонок - всё это было лишь плотной ширмой. Кошмар из кинотеатра никуда не делся.

Подняв скрипку, прижала холодный подбородок к деревянному подгрифнику, я закрыла глаза и начала играть.

Не то, что нам задавали чопорные профессора на сессиях, не классические этюды и не то, что вообще когда-либо было известно музыкальному миру. Это была моя собственная мелодия. Она рождалась прямо сейчас, срываясь с кончиков пальцев без всяких заготовок, правил и нотных листов.

Первый аккорд прозвучал резко, грязно, почти болезненно. Он разрезал застоявшийся воздух репетитория, как удар хлыста. Смычок двигался рвано, но в каждом движении, в каждой вибрации струны дышало то, что я так тщательно, стиснув зубы, прятала от Хлои, Майи и Лукаса. Моя музыка была соткана из густого портлендского тумана, изматывающей, сухой бессонницы прошлых ночей и того липкого, первобытного страха, который намертво сковал меня в темном зале кинотеатра.

Скрипка не просто пела - она плакала, переходя на крик.

Звук взмывал к высоким, пронзительным, почти ультразвуковым нотам. Я выжимала из инструмента всё, словно пыталась физически вытолкнуть из себя то удушье, от которого не смогла избавиться даже под обжигающими струями душа в воскресенье.

Я вела смычок, полностью растворяясь в этом диком, честном и страшном потоке звуков. Кисть расслабилась, пальцы левой руки летали по грифу, повинуюсь исключительно внутреннему, настойчивому импульсу. Это была моя территория. Моя единственная зона абсолютной правды. Здесь, внутри этой ломаной, рваной, темной мелодии, я не была слабой, дезориентированной первокурсницей со сломанным слухом. Здесь я не была жертвой. Здесь я была стихией. Была настоящей.

Звуки, плотные и осязаемые, бились о стены, скреблись по углам, отражались от низкого потолка и заполняли собой каждый кубический сантиметр пространства. Воздух вокруг меня будто наэлектризовался. Я вела смычок всё быстрее и агрессивнее, чувствуя, как с каждой новой минорной волной, с каждым нажимом на струну из меня наконец-то выходит то колоссальное, сводящее судорогами напряжение, которое копилось во мне. Это было мое очищение. Мой единственный доступный способ закричать на полную мощность так, чтобы никто не услышал слов.

Мелодия сделала крутой, надрывный вираж и оборвалась. Финальный аккорд завис в воздухе - долгий, дрожащий, виб-

рирующий на грани тишины, постепенно растворяясь в углах полутемного класса.

Я медленно, обессиленно опустила скрипку вдоль тела. Грудная клетка тяжело и часто вздымалась - я дышала так, словно только что пробежала марафон под ледяным дождём. На лбу выступили мелкие капли пота, пальцы левой руки горели от жестких струн, а сердце гулко, оглушительно стучало прямо в слуховом аппарате. Но на душе... на душе стало удивительно чисто, легко и почти пусто. Я справилась. Я выплеснула этот яд наружу.

Сглотнув, я открыла глаза, собираясь наконец убрать инструмент в кофр. Повернула голову к окну, и в этот момент всё моё облегчение разлетелось вдребезги.

Мой взгляд упал на узкое прямоугольное окно репетитория, расположенное под самым потолком и выходящее на уровне земли прямо во внутренний двор корпуса.

Там, в сгущающихся синих сумерках, прислонившись спиной к серой кирпичной стене, стоял человек. На нём была кожаная куртка. В опущенной руке тлел крошечный, ядовито-оранжевый огонёк сигареты, тонкий дым от которой поднимался вверх, цепляясь за мокрое стекло окна. Слабый отблеск уголька едва подсвечивал резкие, хищные черты его лица и ровную линию плотно сжатых губ.

Дэмиан Кроу стоял там. В полной темноте. Не шевелясь. И слушал мою мелодию. Слушал от первой до самой последней, обнаженной ноты.

Внутренности обожгло ледяной, парализующей волной жидкого азота. На секунду мне показалось, что стены подвала начали сжиматься, лишая меня кислорода. Сердце, только-только начавшее восстанавливать ритм, совершило дикий, хаотичный кульбит и намертво застряло где-то в горле. Худший кошмар подтвердился. Он видел меня такой - беззащитной, вывернутой наизнанку, растворившейся в собственной слабости и боли. Он залез мне под кожу ещё глубже, украв то единственное, что принадлежало только мне, - мою личную музыку.

В панике я резко отвернулась к столу, спиной чувствуя его тяжёлый, пронизывающий взгляд сквозь стекло. Я не желала больше оставаться под прицелом этого ментального капкана. Руки мгновенно затряслись, пальцы сделались ватными и непослушными. Я лихорадочно потянулась к бархатной салфетке, чтобы убрать скрипку, но смычок едва не выскользнул из влажных ладоней, с глухим стуком ударившись о край стола. Кое-как, вслепую справившись с замками кофра за пару секунд, я заставила себя снова обернуться к окну. Злость начинала медленно вытеснять страх. Я была готова подойти и посмотреть ему прямо в глаза. Спросить, что, чёрт возьми, ему от меня нужно.

Но за окном уже никого не было.

Только одинокий сизый дымок, едва заметный в свете далекого уличного фонаря, лениво и беззвучно растворялся в сыром воздухе. Ни шагов, ни звука удаляющегося шага, ни

хлопка мотоциклетного шлема. Абсолютная, звенящая пустота.

Внутри всё клокотало. Схватив сумку и даже не застегнув до конца куртку, я почти бегом бросилась вон из репетитория. Ноги сами несли меня по темному коридору вверх, к выходу. Тяжёлая дубовая дверь корпуса поддалась под моим весом с глухим, натужным скрипом, и я буквально выскочила на крыльцо, жадно, со всхлипом глотая холодный ночной воздух.

Глаза лихорадочно сканировали пространство двора. Вокруг царила оглушительная, пугающая тишина субботнего вечера. На парковке перед музыкальным крылом не было ни единой машины - только ровные, мокрые прямоугольники асфальта, тускло блестящие от непрекращающегося дождя. Никаких следов его массивного черного байка. Ни одной живой души в радиусе полукилометра. Только резкий ветер трепал голые ветви старых клёнов, швыряя мне в лицо пригоршни холодных капель.

«Тебе показалось, Рид, - устало, с болезненным выдохом подумала я, плотно прижимая ладонь к бешено стучащему сердцу. - Ты просто медленно сходишь с ума от недосыпа и паранойи. Он настолько прочно засел у тебя в голове, что тебе теперь мерещится его силуэт в каждой тени, в каждом отражении».

Немного успокоившись и заставив себя сделать несколько ровных вдохов, я повернулась, чтобы вернуться и забрать

кофр - в полубезумной спешке я оставила его на банкетке у пианино.

Коридоры подвального этажа встретили меня прежним безмолвным полумраком и резким запахом старого дерева. Шаги моих ботинок эхом разносились по пустому зданию. Я толкнула дверь репетитория, сделала шаг внутрь и... замерла на пороге, чувствуя, как волосы на затылке медленно шевелятся.

Скрипка лежала не на банкетке.

Она лежала на закрытой лакированной крышке пианино, ровно по центру. Прямо поверх открытой партитуры Плейеля, которую мы ещё час назад разбирали с Лукасом. Откидная бархатная ткань, защищающая деку, была аккуратно, маниакально ровно сложена и устроена рядом.

Лёгкие будто моментально заполнило жидким азотом, дышать стало больно. Волоски на руках встали дыбом. Я чётко, во всех мельчайших деталях помнила, что оставила инструмент на деревянном столе у противоположной стены. Я просто физически не могла перепутать или забыть. Музыканты никогда, ни при каких обстоятельствах не бросают скрипку на скользкой лакированной крышке фортепиано - это базовое правило безопасности инструмента, вбитое в подкорку на уровне рефлексов с самого детства.

Значит, пока я на какие-то несчастные полминуты выбежала на крыльцо, он зашёл сюда. Скользнул бесшумной тенью мимо меня в темноте коридора.

- Мудак, - в сердцах, громко выдохнула я в пустую, темную комнату, чувствуя, как липкий испуг мгновенно сменяется горячей, вибрирующей злостью.

Этот больной ублюдок просто издевался надо мной. Ему доставляло почти физическое, извращенное удовольствие видеть, как я паникую, как озираюсь по сторонам, как проверяю замки и начинаю сомневаться в собственном рассудке. Он хотел, чтобы я знала: для него нет закрытых дверей. Он может войти куда угодно. Может коснуться моих личных вещей так же легко и безнаказанно, как коснулся моих волос в темноте кинозала. Он метил мою территорию, заставляя меня чувствовать себя загнанным зверем.

Больше не теряя ни секунды, я подлетела к пианино. Руки больше не дрожали - теперь их вела чистая, концентрированная ярость. Я бережно, но быстрыми, резкими движениями убрала скрипку в футляр, закрепила гриф липучкой и с громким, металлическим щелчком захлопнула все четыре замка кофра. Закинула плотный ремень на плечо, крепко перехватила сумку и размашистым, решительным шагом вышла из класса, демонстративно и громко хлопнув дверью напоследок.

Выйдя на улицу, я покрепче перехватила лямку рюкзака, натянула капюшон до самых глаз и уверенно зашагала в сторону общежития.

Глава 9. Скорость свободного падения

Айрис

Добравшись до длинной аллеи, которая вела прямо к нашему общежитию, я наконец облегченно выдохнула. Плечи, уставшие от тяжести и дневного напряжения, немного опустились, а ледяные тиски вокруг грудной клетки наконец ослабли. На этой территории, освещенной редкими кампусными фонарями, действовали строгие правила безопасности, и круглосуточно дежурила охрана.

Здесь вообще никого не было, учитывая кромешную тьму, поздний час и всепоглощающую, сырую тишину, прерываемую лишь тихим шелестом мокрых листьев под ногами и мерным стуком редких капель по асфальту.

Я достала телефон и, на ходу лихорадочно стуча пальцами по холодному экрану, написала Хлое короткое сообщение: *«Всё в порядке, буду через десять минут в общежитии, ставь чайник»*. Отправив текст, я спрятала мобильный обратно в карман куртки и ускорила шаг. До тёплого, безопасного блока, где пахло лавандовым освежителем и заваренным чаем, оставалось всего ничего. Всего одна темная аллея.

Но я не успела пройти и пяти метров.

Из густой, непроницаемой тени столетних клёнов, росших вдоль обочины, внезапно соткался массивный силуэт. Прежде чем я успела хотя бы сообразить, что происходит, или отшатнуться в сторону, чья-то сильная, жесткая рука мёртвой хваткой перехватила мое запястье. Рваным, коротким движением меня потянули за собой, увлекая прочь с освещенной дорожки в глубь тёмного, спящего парка.

Внутренности перевернулись от дикого, первобытного ужаса. Воздух с сипением вырвался из лёгких, и в следующую секунду я начала орать как не в себя, срывая голос в пустую, глухую темноту. Нападавший действовал молча, стремительно и невероятно профессионально, намертво блокируя любые мои попытки вырваться или закричать громче.

На парне был глубокий, наброшенный на самые глаза капюшон чёрного худи, полностью скрывающий лицо в полумраке, но мне не нужно было видеть его, чтобы всё понять. Я заочно, на каком-то подсознательном, животном уровне знала, кто это. Этот запах горького табака, жжёного бензина, дорогого парфюма и ледяного превосходства невозможно было перепутать ни с чем в этом мире.

Чёртов Дэмиан!

- Отпусти меня, придурок! - закричала я, отчаянно забившись в его руках.

Я извивалась всем телом, со всей силы дергала зажатую в капкан руку и пыталась ударить его свободной левой, но

Кроу двигался как тяжёлый, непробиваемый танк. Мой тяжёлый кофр со скрипкой глухо бился о бедро, мешая маневрировать, а ботинки беспомощно скользили по мокрой траве и грязи аллеи. Я вырывалась так, что суставы трещали, но его хватка на моем запястье казалась литой. Он тащил меня за собой вглубь деревьев, словно я весила не больше тряпичной куклы.

- Перестань кричать, - раздался над самым ухом его знакомый, хриплый, пугающе спокойный баритон. В нём не было ни капли паники или злости - только холодный, властный приказ, от которого внутри всё заледенело.

- Отпусти! - ещё громче, срываясь на ультразвук, крикнула я прямо в темноту, наплевав на все его приказы. Дикая ярость пополам со страхом выжигала меня изнутри. - Отвали от меня! Помогите кто-нибудь!

Я уперлась ногами в раскисшую землю, пытаюсь создать хоть какой-то противовес, но Дэмиан резко развернулся, наваливаясь на меня всем своим весом, и впечатал меня спиной в толстый, шершавый ствол старого дерева. Сильный удар выбил остатки воздуха из моих лёгких. Кофр со скрипкой зажал между нашими телами, и я испуганно замерла, боясь повредить инструмент.

Кроу стоял вплотную. Настолько близко, что я кожей чувствовала исходящий от него жар, резко контрастирующий с холодным ночным воздухом. Его свободная рука взлетела вверх и жестко, наотмашь легла на кору дерева прямо над

моим плечом, окончательно отрезая любой путь к бегству. Капюшон скрывал его глаза, но я физически ощущала, как его ледяной, насмешливый взгляд сканирует моё бледное, перекошенное от ярости лицо.

- Твои крики тебе не помогут, Рид. Здесь никого нет, - тихо, почти интимно прошептал он, наклоняясь к моему левому, чуткому уху. Его горячее дыхание коснулось кожи, заставляя волосы на шее встать дыбом. - Ты очень красиво играешь, когда думаешь, что тебя никто не видит. Но уносить ноги ты так и не научилась.

Я замерла, тяжело и прерывисто дыша. Внутренности скрутило тугим, жарким узлом. Страх и злость никуда не делись, но к ним примешалось кое-что ещё - душное, запретное притяжение, от которого кружилась голова. Я ненавидела его за эти игры, но мое тело предательски отказывалось спастись бегством, словно замороженное его пугающей силой.

- Значит, конкурс дуэтов. Решила, что нашла себе компанию, Айрис?, - Кроу наклонил голову, и под капюшоном хищно блеснули его тёмные глаза. В них горело чистое, собственническое упрямство.

Я вскинула подбородок, глядя прямо в тёмный провал его капюшона. Моё запястье всё ещё было зажато в его руке, но теперь он не давил - его пальцы медленно, почти ласково поглаживали мою кожу, заставляя пульс зашкаливать в слуховом аппарате так сильно, что этот стук отдавался в висках.

- Не твоё дело, Кроу, - тихо, но твёрдо ответила я, заставляя себя удерживать его взгляд, хотя колени уже начинали мелко дрожать. - Ты преследуешь меня. Залез в репетиторий, трогал мою скрипку... Чего ты хочешь?

Я сделала глубокий вдох, собирая в кулак все остатки своего самообладания. Горло пересохло, но я заставила себя посмотреть ему прямо под капюшон и задала самый страшный, оголенный вопрос, который леденил душу:

- Ты притащил меня в эту темноту, чтобы изнасиловать?

Дэмиан на секунду замер. Мои слова подействовали на него как ледяной душ. Его маска ленивого, издевательского превосходства на мгновение треснула, и я увидела, как его губы сжались в ровную, жесткую линию. Напряжение между нами стало настолько плотным, что его, казалось, можно было потрогать руками.

- Конечно нет, Рид, - ответил он. Его голос прозвучал удивительно спокойно, строго и... чисто. Без единой капли той издевательской насмешки, которая была секунду назад. В этом ответе сквозило глубокое, впитанное на уровне ДНК мужское воспитание и жесткие внутренние принципы. - Я не трогаю тех, кто говорит мне «нет». И я никогда не опущусь до подобного дерьма.

Его пальцы на моем запястье разжались. Он полностью отпустил мою руку, возвращая мне свободу движений, но сам не отступил ни на шаг, продолжая блокировать меня своим телом у ствола дерева.

- Тогда зачем весь этот цирк? - выдохнула я, чувствуя, как паника медленно отступает, уступая место какому-то странному, гипнотическому оцепенению. Обида, злость и непонятное облегчение смешались внутри в безумный коктейль.

Дэмиан ничего не ответил. Вместо этого его большая, теплая ладонь медленно поднялась к моей голове. Я инстинктивно затаила дыхание, ожидая нового подвоха, но он действовал поразительно бережно. Его длинные пальцы аккуратно поддели край моего капюшона, сбрасывая его назад на плечи. Холодный воздух и капли дождя с деревьев, тут же коснулись моего лица, но я этого почти не заметила.

Потому что Кроу запустил руку в мои волосы.

Его пальцы медленно, с легким, тягучим нажимом скользнули сквозь рыжие пряди на затылке. Это прикосновение было невероятно контрастным: его ладонь была жесткой, мозолистой от мотоцикла и гаражной работы, но само движение было наполнено пугающей, гипнотической нежностью. Он лениво, аккуратно наматывал мои волосы на пальцы, заставляя меня еще сильнее приподнять голову и заглянуть ему в глаза.

Внутри меня все перевернулось. Позвоночник прошила острая, сладкая судорога, а внизу живота разгорелся сильный, тянущий пожар. Я должна была оттолкнуть его, ударить, сбежать, теперь, когда он меня отпустил. Путь был свободен. Но я стояла, намертво пригвожденная к месту его ладонью в моих волосах, и жадно впитывала исходящий от

него жар. Мои пальцы судорожно вцепились в жесткую кожу его куртки, чтобы просто удержать равновесие.

- Твоя музыка, Рид... - его голос упал до глубокого, вибрирующего шёпота, а взгляд переместился на мои губы. - Каждая её нота. Ты ведь играла её для меня, верно? В том подвале. Даже если боишься признаться в этом самой себе. Ты знала, что я там.

- Ты слишком самоуверен, - прошептала я прямо ему в губы, чувствуя, как его близость лишает меня воли. Мы стояли так близко, что наши куртки терлись друг о друга при каждом выдохе.

Пальцы Дэмиана в моих волосах мягко сжались, фиксируя мою голову, но не причиняя боли. Он медленно наклонился и прижался горячим лбом к моей шее, прямо под левым ухом, тяжело и прерывисто выдыхая мне в кожу. Нас обоих колотило от этого дикого, ненормального электричества. От него пахло дождем, бензином и чистым риском - порочным сочетанием, которое пьянило сильнее любого алкоголя.

- На конкурсе будет шумно, - тихо, практически у самого уха прошептал он, и его губы мимолетно, обжигаяще коснулись чувствительной кожи над воротником джемпера. - Но играть ты будешь, только зная, что я в зале. Если я увижу, что ты улыбаешься этому пианисту так же, как сегодня... я найду способ испортить вам выступление. Ты поняла меня?

В его словах была привычная собственническая угроза, но его рука продолжала мягко, защищающе придерживать

меня за затылок, не давая соскользнуть по стволу дуба. Он удерживал меня, пока у меня подкашивались ноги.

- Посмотрим, Кроу, - прошептала я в ответ, чувствуя, как сквозь дурман притяжения ко мне возвращается былая дерзость.

Дэмиан медленно отстранился. Его пальцы неохотно, скользящим движением выпутались из моих волос, оставляя на коже покалывающее, почти болезненное ощущение пустоты. Он сделал шаг назад, засунул руки глубоко в карманы куртки и накинул капюшон пониже, снова превращаясь в недосыгаемую, мрачную тень.

- До встречи, Рид, - тихо бросил он.

Повернувшись, он растворился в темноте аллеи так же бесшумно, как и появился. На парковке и дорожках снова воцарилась звенящая ночная тишина, прерываемая только моим сумасшедшим дыханием.

Я постояла несколько секунд, прислонившись к дубу, чтобы унять дрожь в ногах. Губы пульсировали от несостоявшегося поцелуя, кожа на шее все еще горела от его дыхания, а внутри всё пело от странного, пугающего азарта. Это была опасная игра, но я приняла её правила.

Кое-как нащупав в траве ручку кофра, я подняла скрипку, поправила куртку и быстрым, уверенным шагом направилась к светящимся окнам общежития, где меня ждали Хлоя и Майя.

Глава 10. Контрасты и кофе

Айрис

В комнате пахло мятным чаем, подгоревшими тостами и привычным, родным уютом, который обычно мгновенно стирал весь дневной стресс. Но не сегодня. Я захлопнула за собой дверь блока, чувствуя, как замок щелкнул, отрезая меня от кошмара.

- Где тебя носило?! - раздался возмущенный голос Хлои. Она стояла посреди комнаты с телефоном в руке, на экране которого все еще горел мой недописанный диалог. - Мы уже начали думать, что тебя Кроу похитил!

Я молча стянула куртку, чувствуя себя невероятно уставшей. Каждое движение давалось с трудом, словно из меня выкачали весь воздух. Бережно, на автомате, я положила кофр со скрипкой на его законное место у шкафа, прошла вглубь комнаты и опустилась на стул напротив девочек. Руки все еще подрагивали.

- Практически так и было.

- Что?! - вскрикнула Хлоя, округлив и без того большие глаза. Мобильник чуть не выскользнул из её пальцев на ковёр. Она уставилась на меня испуганным, сканирующим

взглядом. - С тобой всё в порядке? Он ничего тебе не сделал?

Майя, которая до этого тихо сидела на своей кровати с ноутбуком, медленно закрыла крышку и внимательно взгляделась в мое бледное лицо.

- Мне кажется, у неё шок, - негромко, но встревоженно встала она, придвигаясь ближе.

Я не нашла, что ответить. Сил на длинные объяснения просто не было. На ватных ногах я дошла до своей постели и обессиленно откинулась на подушки, уставившись в белый, испещренный мелкими трещинками потолок. Глаза жгло.

- Я не знаю.

С двух сторон матрас мягко промялся. Девчонки синхронно сели рядом со мной, образовав защитный кокон, и замерли, не отрывая от меня любопытных, взволнованных глаз. Атмосфера в комнате мгновенно накалилась.

- Что произошло, Айрис? Не молчи, пожалуйста.

Я сделала глубокий вдох, чувствуя, как в горле встает ком. Рассказывать это было тяжело - слова казались слишком дикими для нормального, цивилизованного кампуса.

- Когда мы ходили в кино в субботу... они сидели позади нас. Дэмиан трогал мои волосы.

Хлоя с Майей быстро переглянулись. В их глазах промелькнуло явное сомнение.

- Ты уверена? - осторожно спросила Хлоя, потирая переносицу. - В зале ведь было темно.

- Конечно уверена! Я же видела его, когда оборачивалась.

И Нейта, и какую-то девчонку с ними. Я физически чувствовала его пальцы, понимаете?

- Так... - Майя нахмурилась, пытаюсь переварить информацию. - Ладно. Допустим. Но зачем ему это?

- А сегодня... - я сглотнула, чувствуя, как к щекам приливает жар от воспоминаний о его горячем дыхании на моей коже. - Сегодня он караулил меня у музыкального корпуса. Он слушал, как я играю на скрипке. Стоял за окном подвала в полной темноте. Мне не кажется, девочки. Я уверена, что он следит за мной.

- Наверяд ли, Айрис, - мягко вздохнула Майя, качнув головой. - Где Кроу и где классическая музыка? У него же целыми днями в голове только байки, татуировки и его банда. Может, ты его с кем-то перепутала из старшекурсников-музыкантов? В тумане все кажутся огромными.

Их неверие подействовало на меня как разряд тока. Я посмотрела на них как на дурочек, чувствуя, как внутри закипает глухая, защитная ярость. Они не понимали. Они не были там, в этой звенящей тишине.

- Когда я шла домой, он затащил меня в парк! - тут я резко поднялась с кровати, усаживаясь по-турецки и злясь на весь мир и на их слепоту. - Просто утащил с аллеи в темноту, как монстр какой-то! Зажал у дерева!

Хлоя в ужасе зажала руками рот, издав тихий писк.

- Боже! С тобой точно ничего не произошло? Он... он распускал руки?

Я покачала головой, вспоминая его жесткий, почти оскорбленный моей догадкой ответ. *«Я не трогаю тех, кто говорит мне "нет"»*. В его голосе тогда была такая пугающая, породистая честность, что сомневаться не приходилось.

- Точно. Ничего такого.

- Тогда чего он хотел? - спросила Майя, переводя дыхание. - Зачем вообще ловить тебя посреди ночи, если он не собирался... ну, ты понимаешь.

Я опустила взгляд на свои ладони. Кожа на затылке все еще помнила странное, гипнотическое прикосновение его пальцев, то, как он медленно, бережно перебирал мои рыжие пряди, подчиняя себе моё внимание.

- Он ставит свои условия, - тихо ответила я, решив утащить в могилу подробности того, как сильно меня трясло от его близости. - Он узнал про конкурс. И заявил, что я должна играть, зная, что он сидит в зале. А если я буду улыбаться Лукасу, он найдет способ испортить нам всё выступление. Представляете? Он считает кампус своей личной территорией, а меня - какой-то игрушкой, которой можно управлять ради забавы.

- Ну и ублюдок, - сказала Хлоя, её испуг окончательно сменился злостью. - Айрис, это не шутки. Это stalking. Тебе нужно заявить на него. Завтра же идем в деканат.

- Нет! - я слишком резко вскинула голову, напугав подруг. - Нет. Деканат ничего не сделает. Если я пожалуюсь, станет только хуже. Он выставит меня сумасшедшей, у которой из-

за усталости начались галлюцинации в тумане. Да и что я скажу? Что парень потрогал мои волосы и пообещал прийти на концерт? Меня засмеют.

Майя грустно вздохнула и обняла меня за плечи, прижимая к себе.

- И что ты собираешься делать? Через три недели конкурс. Ты ведь не откажешься от выступления с Лукасом из-за угроз этого психопата?

Я вспомнила открытое, сияющее лицо Лукаса, его веру в меня и то, как правильно звучала наша музыка в репетиции. А потом вспомнила тяжелый, собственнический шепот Дэмиана, от которого до сих пор сладко тянуло вниз живота.

Внутри меня, под слоем страха, распрямлялась жесткая, упрямая пружина. Кроу хочет запугать меня своими играми? Хочет, чтобы я дергалась от каждого шороха? Хрен ему.

- Нет, - я высвободилась из объятий Майи и твердо посмотрела на девчонок. - Я не откажусь. Мы с Лукасом будем репетировать и порвем этот конкурс. А Дэмиан Кроу... Я не стану играть по его правилам.

Весь вторник прошёл в каком-то подвешенном, звенящем состоянии. Я поминутно оглядывалась, вздрагивала от каждого резкого звука шагов в коридорах и шарахалась от парней в чёрных худи с капюшонами. Но Дэмиана Кроу нигде не было. Он словно растворился, не оставив после себя ни

единого следа, если не считать фантомного тепла на моих волосах и глухого, тянущего чувства где-то глубоко внутри. К вечеру я почти убедила себя, что понедельничный инцидент в парке был просто затянувшимся кошмаром.

В среду тучи над Сент-Джуд наконец немного рассеялись, пропуская блеклые лучи осеннего солнца. В три часа дня я, как и обещала, спустилась в наш подвальный репетиторий № 9.

Лукас уже ждал меня. Он сидел за роялем, тихо подбирая какую-то легкую, джазовую импровизацию, но стоило двери скрипнуть, как он мгновенно обернулся и просиял. Его открытая, искренняя улыбка сработала как лучший антидепрессант - плечи сами собой расслабились.

- Привет! А я как раз переписал партию для скрипки в третьем куплете, сделал её чуть мягче, - он резво поднялся, помогая мне снять кофр. - Как твои дела? Выглядишь намного лучше, чем в понедельник. Выспалась?

- Привет. Да, всё хорошо, спасибо, - улыбнулась я, чувствуя, как ложь дается все легче. Я ведь не могла рассказать ему, что виной моему состоянию парень, который караулил меня под этим самым окном. - Давай проверим твою партию. Мне не терпится сыграть её целиком.

Мы настроились и начали играть. Сегодня его песня звучала совершенно иначе - глубже, увереннее. Старые клавиши пианино отзывались на мягкие нажатия пальцев Лукаса плотным, тёплым звуком, а моя скрипка летела следом,

больше не угадывая ноты вслепую, а бережно ведя его мелодию за руку. Мы останавливались, бурно обсуждали переходы, Лукас смущённо улыбался, когда я хвалила его композиторский талант, а я ловила себя на мысли, что рядом с ним мне спокойно. Это была правильная, понятная жизнь обычных студентов. Жизнь, в которой музыка лечила, а не пугала.

Когда мы без единой запинки прогнали финальный, самый эмоциональный аккорд его песни, Лукас с довольным вздохом опустил руки на клавиши. Он был невероятно счастлив, его глаза буквально лучились гордостью за наш маленький дуэт.

- Это было потрясающе, Айрис! - выдохнул он, бережно закрывая свои ноты. - Твоя скрипка делает эту мелодию живой. Слушай... мы так отлично поработали. Как насчёт того, чтобы сделать перерыв? Тут через два квартала открылась отличная кофейня, там варят потрясающий раф с корицей. Пойдем выпьем по чашке кофе? Отдохнёшь от этих подвальных стен.

Я посмотрела на его выжидающее, доброе лицо. Приглашение было таким простым и нормальным. Именно это мне сейчас и было нужно - выйти к людям, поговорить о пустяках и окончательно вытряхнуть из головы тёмные мысли.

- С удовольствием, Лукас. Раф с корицей - это именно то, что мне сейчас нужно.

Кофейня «У Молли» встретила нас тихим звоном коло-

кольчика над дверью, густым ароматом свежемолотых зёрен и уютным полумраком. Зал был практически пустым, если не считать сонной бариста за стойкой и какого-то парня в углу, уткнувшегося в ноутбук. Это место казалось идеальным убежищем от кампусного шума.

Мы устроились за небольшим столиком у окна, и уже через пять минут перед нами дымились две огромные кружки. Напряжение последних дней окончательно отпустило меня. Мы увлеченно обсуждали учебу, строгие требования профессора Уэста и забавные сплетни с нашего потока.

- Уэст на прошлой неделе устроил настоящую головомойку третьему курсу, - смеялся Лукас, активно жестикулируя и едва не задевая ложкой чашку. - Обещал всех сослать на пересдачу в Бостон, если они не выучат ансамбли!

Я искренне рассмеялась, отпивая горячую, сладкую пенку. Подперев щеку ладонью, я поймала себя на мысли, что мне безумно нравится эта простая студенческая жизнь.

Но в какой-то момент Лукас резко замолчал на полуслове. Его улыбка мгновенно погасла, а взгляд, устремленный куда-то мне за спину, за застекленную входную дверь, стал напряженным и жестким. Он даже немного подался вперёд, сжав пальцами ручку своей кружки.

Я не сразу поняла, в чём дело. В моём слуховом аппарате раздался нарастающий, низкий гул, который через секунду превратился во вполне отчетливый, оглушительный рев нескольких мотоциклетных двигателей на улице. Байки с

грохотом припарковались прямо у крыльца кофейни, заставив стёкла в окнах жалобно задребезжать.

Колокольчик над дверью надрывно зазвенел, и в зал бесцеремонно, шумно ввалилась компания байкеров. Их было четверо или пятеро, все в тяжёлых кожаных куртках-косухах, потертых джинсах и с тяжелыми шлемами в руках. Они громко переговаривались, перешучивались, мгновенно заполнив собой всё скромное пространство тихой кофейни.

Впереди всех шел Дэмиан Кроу.

Он небрежно встряхнул головой, откидывая назад отросшие темные волосы, и сразу же, с первого взгляда, безошибочно нашёл меня в полумраке зала. Его глаза хищно прищурились. На ровной линии губ заиграла едва заметная, опасная усмешка.

Лукас, заметив этот обмен взглядами, недовольно поморщился и тихо, но отчетливо произнес, возвращая моё внимание к нашему столику:

- Не обращай внимания, Айрис. Это Кроу и его банда. Они такие придурки, вечно ведут себя так, будто им весь город принадлежит. Только воздух сотрясают своими моторами.

От его искреннего, мальчишеского возмущения и точного определения «придурки» мне вдруг стало так смешно, что страх перед Дэмианом на секунду отступил. Наружу вырвался короткий, искренний смешок. Я задорно улыбнулась Лукасу, соглашаясь с его оценкой.

Но моя улыбка не продержалась и минуты.

Я даже не успела заметить, как Кроу отделился от своей компании. Ровно через тридцать секунд на моё правое плечо внезапно легла тяжелая, широкая и до боли знакомая ладонь. Пальцы Дэмиана слегка сжались, обозначая своё присутствие.

Внутренности моментально сделались ледяными. Я тут же резко повернула голову, сталкиваясь лицом к лицу с Вороном.

Сидящий напротив Лукас заметно вздрогнул. Его глаза округлились, а в позе проскользнул отчетливый, вполне понятный испуг - Кроу был вдвое шире его в плечах и выглядел как чистая, концентрированная угроза.

Дэмиан полностью проигнорировал Лукаса, словно на его месте стоял пустой стул. Он медленно наклонился ко мне, обдавая знакомым запахом. Его лицо оказалось в опасной близости от моего. Не давая мне опомниться, он мягко, но властно коснулся губами моей щеки, оставляя обжигающий, невыносимо интимный след на коже. Поцелуй вышел собственническим, не оставляющим сомнений в том, кто здесь диктует правила.

Отстранившись всего на пару сантиметров, он заглянул в мои расширившиеся от шока глаза и хрипло, с ленивой бархатной усмешкой произнес:

- Привет, *милая*. Не знал, что ты будешь тут.

Глава 11. Непрошенные гости

Айрис

Сердце забилося где-то в горле, гулко отдавая в слуховом аппарате. Лукас напротив меня побледнел, его пальцы судорожно вцепились в край стола.

Внутренности подрагивали от такой наглости, но страх, который сковывал меня в понедельник в парке, трансформировался в холодный азарт. Он хотел устроить шоу? Поиграть на публику? Что ж, я приняла вызов. Я медленно повернула голову к Дэмиану, глядя прямо в его вызывающие темные глаза, и натянула самую язвительную, приторную улыбку.

- Привет, *дорогой*, - ответила я, намеренно выделив последнее слово и сочась сарказмом. - Какая жалость, что в Сент-Джуд так мало кофеен. Приходится делить воздух с местной фауной. Но ты ведь не заставишь своих друзей ждать, правда? Уверена, твой столик в углу уже скучает без своего главного украшения.

Пальцы Дэмиана, лежащие на перекладине стула, на секунду напряглись. В глубине его зрачков промелькнула опасная, но довольная искра. Моя дерзость его не разозлила - она его раззадорила. Он оценил то, что я не забилась в угол, а

выставила когти.

Он медленно протянул руку и, проигнорировав мой колючий взгляд, запустил пальцы в мои волосы у затылка. Его ладонь была горячей и жесткой, он лениво, бережно перебрал рыжие пряди, слегка наматывая их на палец, заставляя меня замереть от пробившего тело электрического разряда. Это был уже какой-то ритуал.

- Мои друзья подождут, - тихо, почти воркующе прошептал он, скользнув взглядом по моим губам. - А вот портить хорошую музыку дурными разговорами не стоит. Не забудь допить свой кофе. Он быстро остывает.

Кроу лениво поднялся, вернул стул на место и бросил на Лукаса один короткий, леденящий душу взгляд. Чистое, тяжелое предупреждение. После чего небрежным шагом направился к своей банде, которая уже заняла большой диван в углу. Они что-то крикнули ему, Дэмиан ответил, и они дружно заржали, окончательно разрушая тишину кофейни.

Я выдохнула, чувствуя, как по спине пробежала волна запоздалой дрожи. Маска сарказма мгновенно сползла. Я поспешно повернулась к пианисту:

- Лукас, я...

Но парень выглядел так, будто его переехал грузовик. Его лицо было белым, губы плотно сжаты, а пальцы побелели от напряжения. В его глазах больше не было того детского восторга, с которым он играл свою песню в подвале. Там застыл чистый, звенящий шок пополам со страхом и обидой.

- Лукас, это не то, что ты думаешь, - лихорадочно зашептала я, подаваясь вперед через стол. - Кроу просто... он издевается. Мы не...

- Мне пора, Айрис, - резко перебил он меня совершенно чужим, глухим голосом.

Он не стал слушать. Лукас рывком поднялся, едва не опрокинув стул, накинул рюкзак и, не глядя на байкеров, быстро пошел к выходу. Колокольчик над дверью надрывно звякнул.

- Черт! - выругалась я.

Я бросила полный ярости взгляд на дальний столик, где Кроу, закинув ногу на ногу, лениво наблюдал за мной с сытой усмешкой хищника. Схватив сумку, я выскочила на улицу следом за Лукасом.

Улица встретила меня резким порывом холодного ветра. Солнце скрылось, и на город начали опускаться крупные капли дождя. Лукас уже успел отойти метров на пятьдесят и быстро шагал к кампусу, низко опустив голову.

- Лукас! Подожди! - крикнула я, срываясь на бег. Ботинки шлепали по лужам, брызги летели на джинсы, но мне было плевать. - Лукас, пожалуйста, остановись!

Дождь стремительно набирал силу, крупные капли больно колотили по лицу. Я рванулась вперед и крепко схватила его за мокрый рукав ветровки, вынуждая обернуться.

- Лукас, да постой же ты!

Он резко остановился, с силой вырывая руку из моей хват-

ки. На его лице застыла глухая, упрямая обида, смешанная с паникой. Ветер трепал его челку, а за стеклами солнцезащитных очков, которые были сейчас не по погоде, блестели испуганные глаза.

- Что, Айрис? Что ты хочешь мне сказать? - его голос сорвался на надрыв. - «Дорогой»? «Местная фауна»? Вы развлекаетесь так, да? Устраиваете свои брачные игры, а таких как я используете как декорацию?

- Прекрати, это вообще не то! - я задыхалась от бега, слуховой аппарат неприятно зафонил из-за сырости, и я поспешно поправила его дрожащими пальцами. - Кроу - сумасшедший сталкер! Он караулил меня, он лезет в мою жизнь, чтобы поиздеваться. Мой сарказм был просто защитой! Я пыталась показать ему, что не боюсь его дурацких выходов!

Лукас горько, фальшиво усмехнулся и сделал шаг назад, отчаянно качая головой.

- Защитой? Айрис, этот парень подошел, сел за наш стол и поцеловал тебя у всех на виду! Сталкеры так себя не ведут! А ты ответила ему так, словно это ваша привычная, личная игра. Выглядело это так, будто я здесь третий лишний. Дурачок, которого позвали подыграть!

Он замолчал, тяжело дыша, и вдруг его лицо перекосило от подступившего страха. Он подался ко мне, и в его голосе прорезалась искренняя, паническая дрожь:

- Я не хочу лезть на рожон, Айрис! Ты вообще считаешь, кто он такой? Ты видела Дэмиана и его банду? Они же

отбитые наглухо, за ними полиция по пятам ходит! О них такие слухи на кампусе... Я обычный музыкант, Айрис. Мои пальцы, мои руки - это всё, что у меня есть в этой жизни! Если я попаду под кулак Кроу или его парней в каком-нибудь темном переулке просто за то, что сидел с тобой в кофейне, моя карьера закончится, не начавшись! Одно мое неверное движение - и он переломает мне кисти! Я не буду в это ввязываться. Я умываю руки.

Эти слова больно ударили меня изнутри. Дэмиан добился своего - он поселил в душе Лукаса липкий, парализующий страх за собственную шкуру. Но я видела, что Лукас сейчас просто накручивает себя от шока. Ему нужно было вернуть почву под ногами.

Я сделала решительный шаг вперед, сокращая расстояние между нами, и мягко, но крепко обхватила его ладони своими руками. Мои пальцы были холодными от дождя, но его руки буквально леденели от паники. Я заставила его замолчать, твердо заглядывая прямо в его испуганные глаза сквозь мокрые стекла очков.

- Лукас, послушай меня. Посмотри на меня, - отчетливо, успокаивающе произнесла я, стараясь, чтобы мой голос звучал как скала, о которую разобьются любые его страхи. - Кроу - чудовище, но у него есть свои дурацкие принципы. Он не станет трогать тебя. Он нападает только на тех, кто играет в его игры. Ты для него пустое место, он просто пытался задеть меня через тебя. Понимаешь? Меня! Ты вне опасно-

сти, я клянусь тебе. Твои руки никто не тронет.

Лукас прерывисто вздохнул, его взгляд заметался по моему лицу, отчаянно ища подтверждение моим словам.

- Мы только что репетировали твою песню, - продолжала я тише, смягчая тон, переводя дыхание. Дождь стекал по моим щекам, но я не обращала внимания. - Самую красивую, настоящую музыку, которую я слышала на этом проклятом кампусе. Ты доверил её мне. Ты правда думаешь, что я способна променять это доверие на дешевые выходки парня в кожаной куртке? Наш дуэт - это то, ради чего я вообще просыпаюсь по утрам эти дни. Не отдавай ему эту победу, Лукас. Не позволяй ему запугать тебя.

Лукас долго молчал. Дождь всюду заливал его очки, куртка потемнела от влаги. Он смотрел на наши переплетенные руки, шумно втягивая ноздрями сырой воздух. Мои слова, моя железобетонная уверенность и тепло наконец подействовали. Паническая пелена в его глазах начала рассеиваться, уступая место привычной мягкости. Постепенно его плечи расслабились, и он глубоко, облегченно выдохнул. Напряжение покинуло его тело.

- Черт... Айрис, извини, - тихо, смущенно произнес он, качнув головой. Он аккуратно снял очки, стряхнул с них капли воды и убрал в куртку, уже глядя на меня со своим прежним, добрым теплом. - Я просто... правда испугался. Когда Кроу сел рядом, у меня вся жизнь перед глазами пронеслась. Но ты права.

На моих губах появилась искренняя, облегченная улыбка. Я слегка сжала его пальцы на прощание и отпустила.

- Все хорошо. Иди в корпус, ты совсем промок. Встретимся в среду в репетитории, как и договаривались?

- Да, обязательно, - Лукас шмыгнул носом, его щеки робко порозовели, и он улыбнулся в ответ. - До среды, Айрис. Береги себя.

Он развернулся и уже спокойным, уверенным шагом направился к мужскому крылу общежития. Я проводила его взглядом до самой двери, чувствуя, как внутри меня вместо страха разгорается ледяной, уничтожающий пожар.

Глава 12. Вспышка во тьме

Айрис

Добравшись до общежития за считанные минуты, что было моим абсолютным личным рекордом, я наконец почувствовала себя в относительной безопасности. Сердце всё ещё совершало дикие кульбиты в груди, а слуховой аппарат слегка попискивал от сырости. Захлопнув тяжелую входную дверь блока на все замки, я облегченно прислонилась к ней спиной, переводя дух.

Я быстро скинула насквозь промокшую одежду, повесила куртку сушиться и, оставшись в мягком худи, прошла вглубь нашей тёплой комнаты. Хлоя и Майя сидели на ковре среди кучи каких-то журналов и открытых ноутбуков, бурно что-то обсуждая. В воздухе приятно пахло освежителем.

- Айрис! - наконец сказала Хлоя, оборачиваясь на звук моих шагов и откладывая в сторону телефон. - Ты вовремя! Мы как раз обсуждаем грядущую вечеринку в эти выходные. Там соберется весь кампус, тебе обязательно нужно пойти, немного развеяться после всех этих бесконечных репетиций.

- Я пас, - сразу отрезала я, даже не задумываясь. Сил на чужое веселье, громкую музыку и толпу у меня не было фи-

зически. Я прошла мимо Хлои и устало села на кровать рядом с Майей, подтянув колени к груди. - Этот придурок... я просто не хочу с ним встречаться. Вообще. Нигде.

Девчонки замерли. В комнате повисла внезапная, звенящая тишина. Хлоя медленно опустила журнал на пол.

- Ты сейчас про Кроу? - осторожно спросила она, внимательно вглядываясь в мое бледное лицо.

- Именно, - я сердито выдохнула, чувствуя, как к горлу снова подступает ком от ярости и бессилия. - Мы сидели с Лукасом в кофейне, спокойно пили кофе, обсуждали пары и... этот ублюдок решил, что было бы идеальным завалиться туда со своей бандой и вести себя так, будто мы встречаемся! На глазах у всех!

У девочек одновременно расширились глаза. Майя даже приоткрыла рот от изумления.

- Что?! - выдохнула она, ошарашенно переводя взгляд с меня на Хлою, словно искала у неё подтверждения тому, что я не сошла с ума. - В смысле «будто встречаетесь»?

- В прямом! - воскликнула я, активно жестикулируя. - Он подошёл, бесцеремонно сел за наш стол, у всех на виду поцеловал меня в щёку и назвал «милой». А какая-то девица из его компании начала орать на всю кофейню, какого чёрта он забыл у «этой рыжей»!

Рассказав девочкам вкратце всё, что произошло дальше - и про мой ядовитый сарказм, и про дикий испуг Лукаса, который боится, что Кроу переломает ему пальцы, и про наш

тяжелый разговор под проливным дождем, - я наконец шумно вдохнула, замолкая и ожидая их ответа. Мне отчаянно нужно было выговориться.

- Звучит просто ужасно..., - Хлоя пересела с пола ко мне на кровать и мягко, сочувственно взяла меня за руку. Ее пальцы были теплыми, и это немного заземлило меня. - Айрис, это переходит все границы. Он буквально разрушает твою жизнь. Может, всё-таки стоит рассказать об этом кому-то? Написать заявление в администрацию?

- Кому? - горько спросила я, бессильно падая спиной на кровать и утыкаясь взглядом в потолок. Дрожь в теле никак не хотела уходить. - Что я им скажу? Что Кроу подсел ко мне в кафе и назвал милой? Мне скажут, что я раздуваю драму из-за того, что на меня обратил внимание самый популярный парень университета. Но они не понимают... Лукас напуган до смерти. Если я потеряю Лукаса как напарника, то я вообще не знаю, как выиграть этот конкурс. Его песня... она была идеальной.

Майя, которая до этого молча переваривала услышанное, подвинулась ближе и ободряюще коснулась моего колена. В её голосе прорезалась твёрдая, непоколебимая уверенность:

- Ты потрясающе талантливая, Айрис. Прекрати в себе сомневаться. Твоя скрипка звучит так, что у людей мурашки по коже бегут, и ты прекрасно это знаешь. Ты справишься и без него, если придётся. Конкурс - это твоя сцена, а не Кроу и не Лукаса.

Я закрыла глаза, слушая её слова, но перед мысленным взором всё равно стояло лицо Дэмиана. Его темные глаза под капюшоном, его жесткие пальцы, которые с поразительной, гипнотической нежностью перебирали мои волосы у затылка, и этот хриплый шепот: *«Играть ты будешь только зная, что я в зале»*.

Он не хотел, чтобы я бросала музыку. Он хотел полностью контролировать то, как и для кого я её создаю. И это пугало сильнее, чем любая открытая угроза.

- Я успокоила Лукаса, - тихо сказала я, открывая глаза и глядя на подруг. - Кажется, он мне поверил и не откажется от дуэта. Мы договорились встретиться в среду. Но мне нужно быть начеку. Кроу не остановится, я чувствую это кожей.

Хлоя вздохнула и крепче сжала мою ладонь.

- Тогда мы просто не будем оставлять тебя одну. Никаких одиночных прогулок по вечерам, Айрис. Из музыкального корпуса мы будем забирать тебя вместе. Посмотрим, как Кроу сунется к тебе, когда рядом будем мы.

Я улыбнулась девчонкам, чувствуя, как внутри разливается робкое тепло. Мой островок безопасности все еще держался. Но где-то на периферии сознания всё равно рокотал опасный, манящий рев мотоциклетного мотора, напоминая, что туман вокруг Сент-Джуд скрывает слишком много темных тайн.

Четверг наступил с противным, серым рассветом и непре-

кращающейся орегонской моросью. После вчерашнего эмоционального взрыва в кофейне я чувствовала себя физически истощенной. Мы с Хлоей и Майей сидели в столовой после третьей пары, когда девчонки, сверяясь со своими расписаниями, виновато переглянулись.

- Айрис, у нас сейчас дополнительный семинар по социологии, который перенесли с пятницы, - Хлоя расстроено вздохнула, убирая контейнер в рюкзак. - Мы освободимся только через полтора часа. Посидишь в библиотеке? Мы зайдем за тобой.

- Нет, идите, всё нормально, - я слабо улыбнулась, поправляя ремень на плече. - У меня как раз есть эти полтора часа. Не хочу терять время, пойду в музыкальный корпус, позанимаюсь. Тем более, мы должны там с Лукасом встретиться.

Попрощавшись с ними, я направилась в сторону музыкального крыла. К моему удивлению, в этот предвечерний час старый корпус казался абсолютно вымершим. В коридорах стояла непривычная, гулкая тишина. Я спустилась в подвал и завернула в наш девятый репетиторий. Здесь было прохладно и пахло сухим деревом. Лукаса не было. Видимо, решил не приходить.

Я быстро настроила инструмент, прошла смычком по струнам, проверяя звук, и принялась за технические пассажи. Но мысли постоянно ускользали, возвращая меня к испуганным глазам Лукаса и наглым, собственническим порывам Кроу. Музыка не шла.

В какой-то момент я опустила смычок, тяжело вздохнула и закрыла глаза. Мне нужно было успокоиться. Настроить внутренний камертон.

Сама того не замечая, я прижала скрипку к плечу и извлекла первую ноту. Не из нотной тетради. Из глубины своей памяти.

Это была моя собственная мелодия - хрупкая, немного грустная, похожая на колыбельную. Я придумала её, ещё будучи подростком, когда только-только училась доверяться звукам после потери слуха, заменявшим мне весь остальной, слишком тихий мир. Я играла её только тогда, когда мне было по-настоящему одиноко или страшно. Пальцы сами безошибочно находили нужные лады, а смычок едва касался струн, выводя тягучие, искренние звуки, которые эхом разлетались по углам пустой комнаты. Мелодия плелась, как кружево, обнажая всё, что я так тщательно прятала от окружающих.

Под самый конец, когда песня уже близилась к финальному, затихающему аккорду, по моей спине вдруг пробежал ощутимый, леденящий холодок.

Волоски на шее мгновенно встали дыбом. Мой слуховой аппарат уловил едва заметное изменение давления в пространстве, словно воздух в комнате внезапно стал густым и тяжелым. Меня пронзило острое, отчетливое чувство чужого присутствия. Кто-то стоял за моей спиной.

Прежде чем я успела обернуться или опустить скрипку,

над головой что-то глухо щелкнуло, и единственная люминесцентная лампа под потолком с треском погасла. Комнату мгновенно затопила крошечная, абсолютная тьма. Наверное, в старом корпусе просто выбило пробки.

Сердце испуганной птицей забилося где-то в горле, совершая дикие, неровные удары, которые гулко и громко отозвались в моих ушах. Я замерла на месте, но вместо того чтобы поддаться панике, резко, зло перехватила смычок.

- Какого чёрта, Кроу! - проговорила я сквозь зубы, резко разворачиваясь на каблуках в сторону звука.

И в этой звенящей темноте, прямо перед моим лицом, раздался тихий, хриплый и до боли знакомый бархатный шепот: *- Красиво. Гораздо лучше, чем Плейель.*

В темноте я не рассчитала расстояние и едва не вписалась бедром в угол пианино. Прежде чем я успела потерять равновесие или выронить инструмент, две широкие, горячие ладони жестко, стальной хваткой перехватили меня за талию. Дэмиан Кроу действовал молча и безошибочно, словно эта непроглядная тьма была его родной стихией. Одним уверенным, беспрекословным движением он рванул меня на себя, но я резко крутанулась в его руках.

На этот раз он позволил мне развернуться к нему лицом. Но это была ловушка. Дэмиан тут же сделал шаг вперед, бесцеремонно впечатывая меня спиной в холодную, шершавую стену комнаты.

Пространство между нами сузилось до критического ми-

нимума. Я физически ощущала каждый контур его жесткого тела, бешеный стук его сердца и обжигающий жар, исходящий от груди. От парня пахло табаком, мокрой кожей и горьким ментолом. Дэмиан действовал молча, нагло и пугающе уверенно. Его левая рука мертвой хваткой легла на мою талию, намертво пригвозждая меня к месту, а правая со свистом взлетела вверх и с глухим стуком врезалась в стену прямо около моего лица, окончательно отрезая любой путь к бегству.

Я оказалась в капкане из его тела и стальных мышц. Скрипка осталась зажатой в моей руке, и Кроу навалился так плотно, но аккуратно, чтобы не повредить инструмент.

- Руки убрал! - резко бросила я, упираясь свободной правой рукой в его жесткую кожаную куртку.

Кроу наклонился еще ниже. В полумраке комнаты я видела хищный блеск его темных глаз. Между нашими губами оставались буквально считанные миллиметры - я чувствовала его прерывистое, горячее дыхание, и от этой близости голова пошла кругом.

Его длинные, мозолистые пальцы правой руки медленно скользнули со стены на мое лицо. Он бережно, но с ощутимым нажимом провел большим пальцем по моей скуле, очерчивая линию челюсти и заставляя меня упрямо приподнять подбородок. Это прикосновение было невыносимо контрастным: грубое, собственническое, но наполненное такой гипнотической силой, что по коже лавиной посыпались ис-

кры.

- Твои когти выглядят куда привлекательнее в этой темноте, Рид, - лениво и хрипло прошептал он, скользнув взглядом по моим губам. - Но ты ведь не станешь царапаться.

Внизу живота разгорелся сильный, тянущий пожар, лишающий воли. И именно этот дурман разозлил меня сильнее всего. Я не собиралась становиться его покорной куклой. Пока его пальцы изучали мое лицо, я незаметно повела бедром назад, собирая все силы для одного точного, сокрушительного удара коленом ему прямо между ног.

Но Кроу среагировал мгновенно, словно просчитал мой шаг еще до того, как я о нем подумала.

Прежде чем я успела завершить движение, его ладонь на моей талии жестко сжалась, и Дэмиан с глухим рыком впечатал меня в стену еще сильнее, полностью блокируя мой таз своим тяжелым бедром. Удар вышел смазанным и беспомощным. Моя спина с силой прижалась к прохладному бетону, а воздух с сипением вырвался из легких.

- Плохая девочка, - выдохнул он мне прямо в губы, так близко, что я едва не коснулась их своими. В его хриплом шепоте прорезалась опасная, сытая усмешка. Он не разозлился на мою попытку нападения - она его раззадорила. - Решила поиграть грязно, Айрис? Не советую. На этой территории правила устанавливаю я.

- Пошел ты, Кроу, - выдохнула я, упрямо глядя прямо в его черные зрачки, хотя пульс в висках просто зашкаливал.

- Отпусти меня. Что тебе вообще от меня нужно?

- Твоя музыка, - его пальцы снова скользнули к моему затылку, слегка сжав рыжие волосы у корней, удерживая меня в паре миллиметров от своего лица. - То, что ты играла до того, как погас свет. Она выворачивает наизнанку. На конкурсе я хочу слышать именно её. Не вздумай фальшивить, Айрис. Я буду слушать очень внимательно.

Дэмиан медленно, тягуче отстранился. Его ладонь неохотно скользнула по моему плечу, оставляя после себя покалывающее, почти болезненное ощущение пустоты. Он сделал шаг назад, за секунду растворяясь в чернильной темноте комнаты.

Щелкнул замок, дверь тихо скрипнула, и Кроу ушел. А еще через мгновение под потолком с треском вспыхнула люминесцентная лампа, больно ударив по глазам ярким белым светом.

Я осталась стоять посреди пустого репетитория №9, тяжело ловя ртом воздух и медленно сползая спиной по стене.

Глава 13. Шаг наперерез

Айрис

Взяв себя в руки, чтобы не разрыдаться в голос от подступившего, удушливого бессилия - за последние две недели я уже смертельно устала от постоянных, непредсказуемых выходов Дэмиана Кроу, - я медленно поднялась с холодного пола. Колени всё ещё крупно, предательски подрагивали, а в ушах стоял звенящий, тяжелый гул. Каждая мышца тела помнила ощущение того, как Кроу наваливался на меня, блокируя бёдрами малейшую попытку сопротивления.

Я на неслушающихся ногах прошла к своему рабочему столу, где лежала сумка. Достав из неё трясущимися руками телефон, я уставилась на светящийся экран. Пальцы едва попадали по виртуальным клавишам. Быстро открыв групповой чат с девчонками, я набрала короткое сообщение: *«В подвале душно, решила не ждать вас. Доберусь до общежития сама, со мной всё в порядке, не теряйте».*

Мне отчаянно, до покалывания в груди не хотелось впускать их во всё это. Меньше всего на свете я желала, чтобы Кроу со своей бандой переключил внимание на моих подруг. Если Дэмиан узнает, что Хлоя и Майя пытаются выстроить

вокруг меня живой щит, он разрушит его одним щелчком пальцев. И пострадают те, кто мне дорог.

Бережно, стараясь не шуметь замочками, я упаковала скрипку в кофр, уложила смычок и застегнула плотную ткань сумки. Проверила, плотно ли сидит за ухом слуховой аппарат. Затем я протянула руку и щелкнула настенным выключателем. Репетиторий снова погрузился в привычную, серую полутьму портлендского вечера, унося с собой запах табака и кожи, который, казалось, въелся в сами стены.

Я вышла в гулкий, пустой коридор и заперла за собой дверь. Сообщение от девочек прилетело практически сразу же, заставив телефон коротко завибрировать в руке: *«Мы уже идем тебе навстречу. Не сходи с ума, жди у главного входа».*

Мы пересеклись на стыке старых корпусов, прямо у монументального кирпичного здания инженерного факультета. Девчонки решили срезать дорогу через внутренний хозяйственный двор, чтобы как можно скорее добраться до меня. Стоило мне увидеть их знакомые, растрепанные ветром и дождем силуэты, как внутри наконец немного отпустило. Тот глухой, железный обруч напряжения, который сжимал мои легкие в подвале, начал медленно поддаваться.

- Вы что, решили сбежать с пары? - я попыталась выдавить из себя максимально непринужденную улыбку, поправляя сползающий ремень тяжелого кофра на плече.

- Нас отпустили на двадцать минут раньше, профессор

сам устал от этой душной аудитории, так что всё сложилось как нельзя лучше, - ответила Майя.

Она сделала шаг ко мне и тепло, крепко приобняла за плечо, делясь своим уютным теплом. Но её цепкий, пронизывающий взгляд тут же впился в моё лицо, сканируя каждую деталь. Майя внимательно заглянула мне в глаза, подмечая и слишком бледную кожу, и сбитое дыхание.

- С тобой точно ничего не произошло в подвале? Ты какая-то... взвинченная.

Я на секунду помедлила с ответом, чувствуя, как сердце снова испуганно спотыкается. Перед глазами сокрушительной вспышкой восстал смутный силуэт Кроу в темноте. Ощущение его жестких пальцев, зажавших мои рыжие волосы у самых корней, и это обжигающее, невыносимо близкое дыхание прямо у моих губ. *«На этой территории правила устанавливаю я».*

- Нет, всё было отлично, - соврала я, сглатывая сухой ком в горле и заставляя голос звучать ровно, почти скупающе. - Просто переиграла руку на пассажирах. Плейель сегодня никак не давался.

- Ну и прекрасно! - радостно захлопала в ладоши Хлоя, мгновенно переключаясь на свою любимую, жизнерадостную волну. Она не любила драмы и всегда пыталась раскрасить наш серый быт во все цвета радуги. Мы как раз выворачивали к широкой асфальтированной парковке у жилого корпуса общежития. - Так что насчет завтрашней вечерин-

ки? Вы же пойдете со мной? Хватит киснуть в этих четырех стенах!

- Хло-о-оя, - уныло и протяжно простонала Майя, демонстративно закатывая глаза к небу. - Мне вообще-то нужно готовиться к тяжелому семинару во вторник. Профессор обещал устроить нам персональный ад на защите проектов.

- Это всего лишь во вторник! - Хлоя резко развернулась к нам лицом, продолжая уверенно шагать спиной вперед прямо по мокрому асфальту парковки. Ее светлые волосы забавно пушились от сырости. - Ну пожалуйста, девочки! Нам всем нужно просто сбросить пар, потанцевать и нормально отдохнуть. И Кроу там точно не будет, - она заговорщически, ободряюще подмигнула мне, явно намекая на то, что мое заворничество связано исключительно с ним.

- С чего ты это взяла? - не удержалась я от вопроса, чувствуя, как внутри ворохнулось странное, глухое раздражение.

- Ой, да ладно тебе. Их банда никогда не шляется на подобные официальные студенческие тусовки у озера, - Хлоя небрежно пожала плечами, едва не задев плечом стоящее рядом дерево. - Они презирают местный контингент. Предпочитают проводить время своей закрытой, элитарной компанией за пределами кампуса. Так что территория будет абсолютно свободна от пернатых хищников.

Я понимающе кивнула, собираясь согласиться, но не успела вставить со своей стороны ни единого слова.

Прямо по курсу, посреди полупустой парковки, у раскидистого старого клёна, стояла знакомая группа парней. Два тяжелых, полированных до блеска байка, хищный рокот которых я бы узнала из тысячи.

- Да твою же мать... - тихая, концентрированная злость мгновенно разлилась по моему телу. Пальцы сами собой сжались в кулаки.

- Спокойнее, Айрис, - тихо, предостерегающе шепнула Майя, крепче перехватывая меня за локоть и заставляя сбавить шаг. - Приглядиись внимательно. Кроу там нет.

Я прищурилась, всматриваясь сквозь серую пелену нарастающей мороси. И правда. Высокой, широкоплечей фигуры лидера в черном капюшоне среди них не было. Зато у одного из мотоциклов, лениво копаясь в карбюраторе, возился Нейт - тот самый парень из ближнего круга Дэмиана, и еще один байкер, имя которого я так и не узнала.

Мы попытались пройти мимо по самой кромке тротуара, сделав вид, что безумно увлечены обсуждением учебы и вообще не замечаем ничего вокруг. Но Нейт поднял голову. Его взгляд зацепился за мою рыжую макушку. Он тут же выпрямился, вытер испачканные в масле пальцы о какую-то ветошь и, даже не думая, быстрыми, размашистыми шагами направился прямо наперерез нашей троице.

- Айрис! - окликнул он с открытой, удивительно дружелюбной улыбкой на лице. - Привет. Как твои дела?

Нам пришлось остановиться, иначе мы бы просто вреза-

лись в него. Хлоя мгновенно замерла, её хрупкая фигура напряглась как струна, а на хорошеньком лице отразился отчетливый, панический испуг, который тут же сменился глухим раздражением. Майя же осталась абсолютно спокойной - она лишь молча поправила волосы, чуть склонив голову набок и принимаясь внимательно, по-хирургически точно сканировать парня взглядом, словно оценивала степень его опасности.

Нейт, видимо, почувствовав, что мы все смотрим на него как на вооруженного налетчика, неловко переступил с ноги на ногу. Он попытался разрядить обстановку и дружелюбно протянул руку Хлое, которая стояла ближе всех:

- Я Нейт, друг... - он внезапно осекся на полуслове, вовремя спохватившись и решив не произносить вслух имя.

- Мы прекрасно знаем, чьим другом ты являешься, - резко, как выстрел, перебила его Хлоя.

Она демонстративно проигнорировала его протянутую ладонь, сделала решительный шаг вперед и практически закрыла меня своим плечом. В ее глазах вспыхнули опасные искры.

- Отстань от Айрис.

- Да я вроде и не лез... - растерялся Нейт, медленно опуская руку обратно в карман куртки.

- Я серьезно, - тон Хлои стал леденящим, в нем прорезались непривычные, жесткие нотки. Она упрямо вздернула подбородок, глядя на парня снизу вверх. - Не трогайте её.

Ни ты, ни вся ваша отбитая компания. Оставьте её в покое, пока мы не дошли до деканата.

- Хлоя, - я мягко, успокаивающе тронула подругу за локоть, давая понять, что контролирую ситуацию, и ровно улыбнулась. Меньше всего мне хотелось, чтобы Хлоя сейчас спровоцировала конфликт на пустом месте. Я перевела взгляд на парня. - Всё нормально. Ты что-то хотел, Нейт?

- Да нет, ничего такого... - его улыбка окончательно погасла после резких слов Хлои, оставив лишь тень смущения. Он неловко поскрёб затылок, переводя взгляд с меня на Хлою и обратно. - Просто хотел узнать, как ты себя чувствуешь после вчерашнего... ну, в кофейне «У Молли». Дэмиан тогда, честно говоря, знатно перегнул палку с этим своим представлением. Некрасиво вышло.

Я почувствовала, как брови инстинктивно поползли вверх.

- Всё отлично, я в полном порядке. Спасибо, что спросил, - честно ответила я, внимательно наблюдая за его реакцией. - Но твой друг действительно продолжает переходить все границы и докучать мне.

Нейт тяжело вздохнул и устало провел широкой ладонью по своим взъерошенным темным волосам, сбивая капли мороси.

- Он бывает таким... ну, ты сама понимаешь. Его иногда заносит.

- Неконтролируемым? - метко, с ледяной ухмылкой вста-

вила Майя, сузив свои лисьи глаза.

Нейт удивленно повернул голову к ней, словно только сейчас осознал, что перед ним стоят три характерные девчонки, а не одна пугливая первокурсница.

- Да. Именно. Тяжелый случай, короче, - он криво усмехнулся.

Мы с девочками уже развернулись, собираясь продолжить свой путь к спасительным дверям общежития, когда второй байкер громко, с явным раздражением крикнул Нейту, что они опаздывают и им пора ехать.

Нейт замер на секунду, переводя взгляд на нас. Он посмотрел на нашу троицу долгим, странным и на удивление глубоким взглядом, едва заметно кивнул каким-то своим мыслям и медленно повернулся обратно к своему мотоциклу. Уже перекидывая ногу через тяжелое сиденье и накидывая на голову черный шлем, он продолжал пристально смотреть в нашу сторону сквозь поднятый визор. Точнее, как я отчетливо успела заметить, он не сводил глаз с Хлои. А Хлоя, всё ещё безумно злая, взвинченная и тяжело дышащая от избытка адреналина, упрямо шагала к крыльцу корпуса, даже не замечая этого пристального, гипнотического внимания.

Мы зашли в просторный холл общежития под спасительный, тяжелый треск автоматических стеклянных дверей. Внутри было на удивление тепло, шумно и привычно пахло карамельным попкорном из вендингового автомата на первом этаже. Этот будничный, ленивый и такой безопасный

ритм обычной студенческой жизни подействовал на мой воспаленный, уставший мозг как холодный компресс. Здесь не было темноты подвалов и не было Кроу.

Хлоя все еще тяжело и шумно дышала, её бледные щеки горели ярким, лихорадочным румянцем от пережитого гнева.

- Нет, вы видели его? Вы слышали это?! - разразилась она тирадой, стоило нам встать в очередь к лифтам. Она активно жестикулировала руками, едва не задевая проходящих мимо первокурсников с коробками пиццы. - «Я Нейт, друг...» Да мне плевать, чьим другом он является! Они что, серьезно думают, что если у них кожаные косухи, дорогие игрушки и ревущие моторы, то им можно подходить к нам на парковке в любое время и устраивать светские беседы?! Наглец!

- Хлоя, успокойся, он просто спросил, как у Айрис дела, - Майя лениво нажала на кнопку вызова лифта и устало прислонилась плечом к зеркальной стене холла, скрестив руки на груди. - К тому же, он сам прямым текстом признал, что Кроу ненормальный и неконтролируемый. Это хотя бы доказывает, что в их банде осталась хоть капля адекватности и они умеют смотреть на вещи трезво.

- Или они просто играют с нами в классического хорошего и плохого копа, чтобы окончательно запутать Айрис! - отрезала Хлоя, решительно заходя в открывшиеся металлические двери лифта. - Айрис, ты слишком, просто nepoзвoли-тельно мягкая с ними. Надо было вообще проигнорировать

его, развернуться и уйти. Они понимают только силу.

Я молча зашла следом за подругами, глядя на то, как медленно закрываются полированные створки, отрезая нас от шумного первого этажа.

Вся эта банда держалась на беспрекословном, жестком авторитете Ворона. И то, что его друг позволяет себе такие опасные откровения с малознакомыми девчонками на парковке, выглядело очень странно. Что это было?

А ещё я никак не могла выкинуть из головы тот долгий, тяжелый взгляд, которым Нейт провожал Хлою. Было в этом мужском внимании что-то... неправильное. Острое. Словно Хлоя, сама того не ведая, только что наступила на хвост спящему псу.

Когда мы наконец зашли в свой теплый, залитый мягким светом блок, я первым делом аккуратно, почти благоговейно поставила кофр со скрипкой на пол у своей кровати.

Кожа на шее и затылке до сих пор фантомно, мучительно горела от недавних прикосновений Дэмиана Кроу. Я быстро прошла в ванную комнату, повернула кран до упора и долго, судорожно умывала лицо ледяной водой.

- Ладно, смывай тоску, - Хлоя заглянула в ванную, держа в руках две огромные чашки с дымящимся ромашковым чаем. На её лице снова сияла прежняя, непрошибаемая и такая родная улыбка. Она обладала удивительным свойством отходить от злости за считанные минуты. - Раз уж Кроу и его прихвостни тусуются на парковке и собираются куда-то уез-

жать, значит, завтра на вечеринке у озера их точно не будет. Айрис, это твой персональный шанс. Ты обязана пойти, надеть платье и просто доказать самой себе, что ты свободна. Никаких «но». И, кстати, обещают солнце.

Я вытерла лицо мягким полотенцем и посмотрела на своё отражение в зеркале.

- Хорошо, - тихо, но твердо сказала я, оборачиваясь к ней и забирая свою чашку. - Я пойду на эту вечеринку.

Майя, стоявшая в дверном проеме нашей комнаты, одобрительно кивнула, оценив мой настрой:

- Вот и отлично. Сейчас выпьем чаю, и я помогу тебе разобраться те сложные переходы из Плейеля, которые ты не успела доучить. Посмотрим на партитуру свежим взглядом. В полной тишине и без всяких посторонних глаз.

Остаток вечера четверга прошел на удивление спокойно и уютно. Майя действительно отлично разбиралась в музыкальной гармонии и помогла мне найти идеальные точки перехода в сложных пассажах, сделав мелодию более текучей. Хлоя тем временем всю готовилась к завтрашнему дню: она раскидала по комнате половину своего гардероба, примеряя то один топ, то другой, и без умолку болтала о музыке, которая будет на озере.

Глава 14. Один плюс один

Дэмиан

Я шел к выходу из корпуса, на ходу натягивая капюшон и ухмыляясь. Пары закончились, пальцы всё ещё помнили мягкость её рыжих волос, а вдохи давались непривычно тяжело. Эта девчонка думала, что сможет со мной воевать, что спрячется за спинами подруг или своего никчемного пианиста.

Но она ещё не понимала, что эта игра уже началась. И правила здесь пишу я.

Я толкнул тяжелую входную дверь, выходя под непрекращающийся дождь. Холодные капли мгновенно ударили в лицо, но они не охлаждали - лишь злили сильнее. Откинув подножку своего байка, я перекинул ногу через сиденье и завел мотор. Тяжелый, утробный рокот «Харлея» разорвал сонную тишину кампуса, вибрация металла отозвалась в костях, привычно вытесняя из головы лишний мусор. Мне нужно было остыть. Смыть этот душный, сладкий цитрусовый запах, который, казалось, намертво въелся в мою кожаную куртку за те десять минут в подвале.

Я выжал сцепление, врубил первую и рванул с места,

оставляя за собой шлейф из брызг и жженой резины.

Дорога к старым боксам на окраине Сент-Джуд шла через лесную полосу. Деревья смыкались над головой живым черным туннелем, а фары едва пробивали плотную серую хмарь. Скорость была единственным, что заставляло меня чувствовать себя живым, когда внутри все выгорало дотла. Я выжал газ сильнее, чувствуя, как ветер бьет в шлем.

Вместе со скоростью всегда возвращались призраки. Наркотический, гипнотический звук скрипки Рид, который я слышал в темноте, сорвал замки с тех ящиков в моей голове, которые я поклялся никогда не открывать.

Мелодия из детства.

Она сказала это так просто, словно это обычное, теплое воспоминание. Но меня от её детской колыбельной буквально выворачивало наизнанку. Внутри поднималась такая бешеная, удушливая волна чистой, застарелой ненависти, что пальцы на руле байка сводило судорогой.

Айрис Рид думала, что мы познакомились две недели назад. Она была уверена, что для меня она - всего лишь очередная случайная первокурсница Сент-Джуд, которой не повезло оказаться на моем пути. Мелкая дуреха. Она понятия не имела, что я узнал её в ту же секунду, когда мой байк едва не снёс её на парковке у кампуса. Я затормозил тогда в самый последний момент, собираясь смешать её с грязью, но стоило мне увидеть эти рыжие волосы, как внутри всё замерло. А секундой позже, когда она упрямо вздернула подбородок и я

заметил аккуратный корпус слухового аппарата за ее ухом... в моей голове мгновенно сложилось один плюс один. Пазл, который я не рассчитывал собрать так быстро, сошелся сам собой.

Я не понимал, что именно чувствую, когда натыкаюсь на неё в коридорах. Это не было банальным интересом или злостью. Это было чем-то куда более глубоким, темным и въедливым, от чего невозможно отмахнуться. И её сегодняшняя музыка в темноте подвала только доказала, что я не ошибся.

Через четверть часа я наконец затормозил у старых кирпичных боксов на окраине города. Наш гараж был неофициальным штабом - единственным местом, где пахло бензином, машинным маслом, дешевым пивом и относительной свободой. На стене у входа горела тусклая, подмигивающая желтая лампа, выхватывая из темноты груды запчастей, старый потрепанный кожаный диван и разбросанные инструменты.

Нейт и Джаспер уже были там. Нейт лениво крутил гаечный ключ, сидя на перевернутом деревянном ящике из-под выпивки. Джаспер, огромный, широкоплечий, похожий на монолитную каменную скалу, молча стоял у верстака. Он перебирал детали коробки передач, двигаясь с той суровой, тяжелой неторопливостью, которая обычно заставляла случайных людей в барах обходить его за три мили.

- О, явился, - Нейт поднял голову, когда я зашел в гараж, на ходу скидывая мокрую куртку и бросая её на спинку ди-

вана. - Мы тебя на парковке у жилого блока сорок минут ждали, Кроу. Ты где шнырял? Твоя истеричка со швейного факультета оборвала мне весь телефон, спрашивала, какого хрена ты её динамишь и не приехал в бар.

- Заткнись, Нейт, - глухо бросил я, проходя вглубь помещения. Открыл старый, дребезжащий холодильник в углу и достал оттуда ледяную бутылку пива. Сорвал крышку прямо об угол верстака и сделал несколько крупных, обжигающих глотков. Ледяной алкоголь ударил по нервам, но внутренний пожар это ничуть не тушило. - Мне плевать, кто там что спрашивал. У меня были дела в музыкальном крыле.

Нейт замер. Гаечный ключ в его руке перестал вращаться. Он прищурился, внимательно всматриваясь в моё жесткое лицо, а потом понимающе, но как-то слишком серьезно и хмуро покачал головой.

- В музыкальном корпусе? Опять? - Нейт отложил инструмент в сторону и медленно поднялся со своего места. Он подошел ближе, бросая короткий, многозначительный взгляд на Джаспера. Огромный байкер даже не поднял головы, но его массивные плечи под черным жилетом заметно напряглись. - Слушай, Дэмиан... мы сегодня на парковке встретили Рид. С её подружками.

Я замер с бутылкой у губ. Внутри шевельнулось недоброе, холодное предчувствие, заставившее мышцы на плечах окаменеть.

- И? - мой голос прозвучал тише и жестче, чем обычно.

- И ничего. Попытался нормально, по-человечески спросить, как у неё дела после твоего вчерашнего перформанса в кафе, - Нейт раздраженно дернул плечом и засунул руки в карманы джинсов, уходя от моего взгляда. - Но её блондинка-подруга чуть не откусила мне голову прямо там, у всех на виду. Налетела так, будто я пришел их грабить или прирезать. Злая как черт, упрямая... Короче, Кроу, завязывай с этим. Отстань ты уже от бедной девочки.

Я медленно опустил бутылку на верстак. Глаза сузились, фиксируя Нейта как мишень. Нейт ни черта не знал. Он был просто моим другом, веселым, нормальным парнем, который понятия не имел, какие демоны меня грызут. Он видел лишь верхушку айсберга. Добряк хренов.

- Ты теперь её личный адвокат, Нейт? - лениво спросил я, делая шаг вперед и сокращая дистанцию. - Или тебе просто заняться нечем?

- Мне есть чем заняться, - Нейт не отступил ни на сантиметр, глядя мне прямо в глаза. В его взгляде не было страха - только глухая усталость от моих загонов и тайн, которыми я ни с кем не делился. - Я просто вижу, что ты её затерроризировал. Она обычная заучка со скрипкой, которая пытается нормально учиться и выжить в этом гребаном университете. Она не из нашего мира, Дэмиан. Ты её сломаешь и даже не заметишь. Хватит таскаться за ней по подвалам и устраивать сцены. Оставь Рид в покое. Она этого не заслужила.

Я молчал, чувствуя, как к горлу подкатывает глухая, тем-

ная ярость, смешанная с горькой иронией. Сломаешь. Нейт не видел, как эта «обычная заучка» только что в абсолютной темноте пыталась хладнокровно прописать мне коленом в пах, защищаясь. Он не слышал, какая тьма сидит в её собственной музыке.

- Она не сломается, - отрезал я, поворачиваясь к нему спиной и забирая пиво. Разговор был окончен. - И я сам решу, когда и от кого мне отстать.

- Нейт прав, Дэмиан. Пора завязывать с этой охотой.

Этот тяжелый, низкий голос заставил меня обернуться. Джаспер отложил промасленную деталь, вытер огромные ладони ветошью и наконец поднял на меня свои глубоко посаженные, хмурые глаза. Он редко встревал в наши споры, предпочитая оставаться безмолвной стеной. Но если Джаспер открывал рот, это всегда было весомо.

Я вспомнил вчерашний день в кофейне. Когда я жестко, на глазах у всех издевался над Айрис и её испуганным дружком. И только Джаспер с Нейтом тогда не издали ни звука. Они сидели мрачнее тучи, хмурились и упорно отводили глаза в сторону, словно им было тошно смотреть на то, как я загоняю девчонку в угол. И сейчас в взгляде Джаспера читалось то же самое глухое, тяжелое осуждение. Он чувствовал, что за моей ненавистью к Рид стоит какая-то слишком грязная, личная история, которая тянет меня на дно.

- И ты туда же? - я криво усмехнулся, хотя внутри всё натянулось как струна. - Не думал, что тебя так волнуют про-

блемы первокурсниц.

- Меня не волнуют первокурсницы, - Джаспер сделал шаг вперед, его массивная фигура заслонила свет тусклой лампы. Он смотрел на меня прямо, сурово. - Меня волнуешь ты, Кроу. И то, во что ты превращаешься из-за своей злости. Эта девчонка не сделала тебе ничего плохого здесь, в Сент-Джуд. Что бы ни происходило в твоём прошлом, оставь это там. Ты сожжешь сам себя, Дэмиан.

- Джаспер, - тихо, почти шепотом произнес я, и в этом шепоте опасности было больше, чем в любом крике. - Еще одно слово в таком тоне, и уважение к тебе меня не остановит. Не лезь в мои дела. Никогда.

Джаспер долго смотрел на меня. Его суровое лицо оставалось неподвижным, как каменная маска, но в глазах мелькнула горькая разочарованность. Он медленно покачал головой, развернулся, подхватил свою куртку и молча пошел к выходу из гаража. Тяжелая дверь с грохотом захлопнулась за его спиной.

Нейт тяжело, разочарованно вздохнул, снова усаживаясь на свой деревянный ящик и глухо звякая инструментами.

- Как знаешь, Кроу, - тихо проворчал он, не глядя на меня. - Только учти, Джаспер зря говорить не станет. И её подружки настроены серьезно. Особенно эта светлая... Хлоя, кажется. Налетела на меня сегодня, как фурия. Если ты продолжишь в том же духе, они поднимут на уши весь кампус, дойдут до ректора или копов. И тогда проблемы будут у всех

нас. А нам лишнее внимание сейчас вообще ни к чему.

Я ничего не ответил. Я смотрел на закрытую дверь, за которой скрылся Джаспер. Они все думали, что я просто сошел с ума от скуки и треплю нервы случайной девчонке. Пусть думают.

Я сделал еще один глоток пива, глядя на то, как тяжелые капли дождя стекают по мутному стеклу гаражной двери. Завтра пятница. Завтра будет чертова студенческая тусовка у озера, о которой трезвонит весь кампус. Нейт думает, что я туда не пойду... Ошибается. Я приду. Я буду напоминать ей о себе каждые чертовы сутки.

В этот момент в глубоком кармане моих джинс раздался резкий, настойчивый виброзвонок. Это был не тот телефон, на который мне названивали парни по поводу запчастей.

Этот мобильник лежал в отдельном потайном кармане. Старый, кнопочный, номер которого знали всего четыре человека во всем мире.

Ленивая расслабленность испарилась, уступая место ледяному, рабочему напряжению. Нейт тоже замолчал, мгновенно переглянувшись со мной - он прекрасно знал, что означает звонок на этот аппарат.

На черном экране мигал незнакомый, длинный цифровой код с тире. Засекреченный канал. Платный таксофон из закрытого исправительного учреждения штата.

Сердце сделало один тяжелый, болезненный удар и словно остановилось.

Я отошел в самый дальний, темный угол гаража, к разбитому окну, из которого тянуло вечерней сыростью, и нажал на кнопку приема, прижимая пластиковый корпус трубки к уху. На том конце провода сначала послышался тяжелый, металлический гул, щелчки автоматической системы записи разговоров тюрьмы, а затем - хриплый, до боли знакомый голос, который я не слышал довольно долго. Голос человека, который платил слишком дорогую цену.

- Привет, мелкий, - раздалось в динамике. - У тебя есть три минуты, пока линию не обрубят. Нам нужно поговорить.

Глава 15. Пятница у озера

Айрис

Пятница в Сент-Джуд всегда пахла одинаково: дешевым яблочным сидром, мятной жвачкой, лаком для волос и предвкушением какой-то грандиозной катастрофы.

Сентябрьский дождь, терзавший кампус всю неделю, к полудню наконец сдался, оставив после себя лишь тяжелый, густой туман, выползающий из леса к самому берегу озера. Но Хлою это ничуть не смущало. С самого утра в нашем блоке стоял такой грохот, словно мы собирались не на первую в этом учебном году студенческую тусовку, а как минимум на штурм средневековой крепости. На моей кровати горой лежали три пары джинсов, какая-то кожаная портупея и ворох топов, а сама Хлоя, зажав в зубах невидимки, пыталась соорудить на голове Майи что-то «небрежно-сексуальное».

- Айрис, если ты сейчас же не снимешь свой безразмерный серый свитер, я сожгу его в мусоросборнике, клянусь! - Хлоя обернулась ко мне, угрожающе взмахнув плойкой. - Мы договорились. Сегодня никакой учебы, никакого Плейеля и никаких мыслей о Кроу. Сегодня ты будешь красивой и недосягаемой.

Майя, сидевшая на стуле с абсолютно обреченным видом, пока над её волосами колдовали, коротко усмехнулась:
- Смирись, Рид. Проще подчиниться. Я вот сдалась еще в обед.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.